

Кипре освобожден дозреваемый в краже картины Дега россиянин

ательств причастности к краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

Сергей Тюленев

ссиянина, картины Дега за €6

Суд постановил о краже картины Дега Кипре начнется 27 апреля

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

адержанным, сообщается, что он будет принят в качестве свидетеля в краже картины Дега. Суд постановил о краже картины Дега Кипре начнется 27 апреля.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

а Кипра освобожден обвиняемого в краже картины Дега россиянина, 16 лет — РИА Новости. Судебный процесс по делу о краже картины Эдгара Дега в сентябре 2014 года в доме киприотки в Лимассоле 29 октября начался в Лимассоле 29 октября.

Thieves steal \$7.6 mn Degas painting from Cyprus pensioner

Thieves steal \$7.6 mn Degas painting from Cyprus pensioner. The painting, 'The Singer' by Edgar Degas, was stolen from the home of a 70-year-old pensioner in Limassol, Cyprus, in September 2014. The thief, a Russian man, was arrested and charged with the crime. The painting is worth \$7.6 million and is one of the most valuable works of art in the world.

Deга. The Singer 1894

Thieves steal \$7.6 mn Degas painting from Cyprus pensioner. The painting, 'The Singer' by Edgar Degas, was stolen from the home of a 70-year-old pensioner in Limassol, Cyprus, in September 2014. The thief, a Russian man, was arrested and charged with the crime. The painting is worth \$7.6 million and is one of the most valuable works of art in the world.

Полиция Кипра задержала гражданина РФ, подозреваемого в краже картины Дега

Полиция Кипра задержала гражданина РФ, подозреваемого в краже картины Дега. Суд постановил о краже картины Дега Кипре начнется 27 апреля.

ДРУГИХ

Других. Суд постановил о краже картины Дега Кипре начнется 27 апреля.

У БОГА НЕТ

Картина Дега стоит около 6 миллионов евро, похищена на Кипре

Сергей Тюленев

Других у Бога нет

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29851462

Других у Бога нет / Сергей Тюленев: Издательский дом Ромм и сыновья;

Москва; 2018

ISBN 978-5-99062-241-8

Аннотация

Книга рассказывает о реальных событиях, произошедших на Кипре осенью 2014 года. Кража картины французского импрессиониста Эдгара Дега стала испытанием не только для главного героя, обвинённого в организации преступления, но и для членов его семьи, друзей, людей, знающих его.

Это пятая книга, повествующая о жизни Глеба Белова, на этот раз он проиграл все свои сражения. Но в тот момент, когда последняя ниточка терпения была отрезана ножницами неудач, судьба сводит его с афонским старцем и дарит самое ценное, что может быть у человека на Земле.

Содержание

Пролог	5
Война	10
Глава 1	10
Глава 2	41
Глава 3	49
Глава 4	56
Тюрьма	62
Глава 1	62
Глава 2	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Тюленев

Другие у Бога нет

Издательский дом «Ромм и сыновья» (R)

© Тюленев С. 2018

Пролог

Копить боль уже было невозможно. Она ползала внутри с огромной вилкой и ковыряла нервы, скрипела ножами по стеклу завывала разными голосами, держала в своих пальцах волю и громко звала зло на пир.

– За маму... – Глеб налил две рюмки водки, одну накрыл кусочком черного хлеба, вторую выпил.

Черные злые кошки досады царапали душу огромными когтями, горло сдавила могучая сила тоски. Мысль, что мать больше никогда не откроет ему дверь, не уронит слезу радости при встрече, не накроет стол, покрикивая на отца, не позвонит ему и не спросит о жизни лавиной страха придавила его тело к ледяной безысходности.

– За папу! – произнёс он громко, поставив вторую рюмку с хлебом. – Как же так! Зачем – так... Ты хорошо прожил с матерью пятьдесят пять лет!

Он налил водки себе, перевел взгляд на висящую на стене фотографию молодых родителей и выпил, почувствовав, как слезы наполнили его глаза горем.

– За... – и третья хлебная рюмка удлинила линию тяжелых воспоминаний. – Лейтенанта Ваню, убитого снайпером в Намибии.

Он снова налил себе водки и, поднявшись, быстро выпил, не ощутив ни вкуса, ни облегчения.

– За Виктора, майора военной разведки, Николая, проводника, всех, кто воевал в Анголе и не вернулся домой.

Выполнив тот же ритуал с рюмками и хлебом, он ощутил, как водка начинает жалеть его.

– Братцы, – произнёс он еле слышно, – почему кто-то там наверху решил, что вам пора уходить? Почему моя мама, ещё не старая, не хронически больная, ушла за три дня? Почему отец, так любящий жить, уходит в результате несчастного случая? Кто знает ответ на этот вопрос?..

Он посмотрел по сторонам, словно искал, кто действительно мог бы ему ответить.

– Ты! – он ткнул пальцем в угол, – отобрал у меня настоящих друзей, забрать мать, которая молилась вместе с ангелом-хранителем о моём спасении? Ты хоть знаешь, как они оберегали меня? Это они делали так, чтобы болезни отступали, чтобы горящие самолёты приземлялись, чтобы враги проигрывали, а я всегда возвращался домой.

Глеб замолчал, понимание потери всего, что он любил, невозможность ничего исправить лишила его силы и смысла жизни, мысли, одна тяжелей другой, вернули его к водке, и он стал медленно, по глоточку пить прямо из бутылки.

Пока он думал, пока его сознание жалело себя и плакало об утерянном, пока водка, побеждая, отнимала волю, далеко в другом городе и другой стране, на машине, таскаясь по вечным пробкам, ехала женщина. Она знала, что именно сейчас он пьёт и именно сейчас ему нужно помогать.

– Да... – поднял трубку телефона Глеб.

– Не перебивай и не говори ничего! Слушай внимательно, – голос женщины был тверд, уверен и быстр, – у тебя кипрский паспорт, и оформить визу для посещения монастырей Афона будет не трудно. Я нашла, где в Афинах находится офис паломников и уже заказала нам билеты в Грецию, на две недели. Я буду купаться, а ты сходи к какому-нибудь старцу и поговори.

– Маруся, какой старец! – Глеб улыбнулся, его воображение нарисовало картину церковного убранства, икон и дряхлого монаха, протягивающего ему руку для поцелуя.

– Ну ты же опять пьёшь! Что у тебя сегодня на повестке: ссора с дочерью или сын не позвонил? А может, жена бывшая кровь пьёт? Или друзей, разбежавшихся после твоего ареста, вспоминаешь? Знаешь, мы уже все это проговорили миллион тысяч раз! Уже всех осудили и распилили, кости промыли, снова собрали и снова закопали. Хватит сидеть! Поднимайся.

– Нет, ты что! – Глеб включил на телефоне громкую связь и стал доставать закуску из холодильника, – параллельно живущие с разговором мысли сказали ему, что ещё есть за что выпить, а главное – желудок настойчиво просил чего-то существенного.

– Я поддерживаю тебя, – продолжила разговор женщина, – считаю, что все, за малым исключением, просто предали тебя в самый трудный момент жизни, но тебе почему-то этого

мало. Ты либо всех забудь и общайся только со мной и моей семьёй, либо лети на Афон и наконец-то всех прости.

Глеб налил себе водки, снова наполнил рюмку и накрыл ее хлебом, – он вспомнил, как тяжело от рака уходил его верный товарищ.

– Ты слышишь, что я тебе говорю?! Нам с тобой ещё детей нужно рожать, жить, работать, а ты такими темпами летишь в сторону сахарного диабета или, упаси Бог, хронического алкоголизма! Вчера снова смотрела твои анализы крови: сахар выше нормы, холестерин большой, а тебе уже пятьдесят пять!.. И что мне потом с маленьким ребенком на руках делать? Всё, – наконец-то голос её стал мягче, – давай, мой дорогой, собери мозги в кучку. Ты столько видел, столько испытаний преодолел, что любому другому на пять жизней хватит. Избрал тебя Господь для тяжелых дорог, вот к Нему и сходи. Целую... и больше сегодня не пей!

– Хорошо, – успел до отключения телефона произнести Глеб. Он радовался – за него волновались, ему хотели помочь, поддерживали.

– Эх, Маруся, – продолжил он разговор сам с собой, – если бы всё так просто было в этой жизни! Купил билет и полетел к монаху – лечить раны души. Если бы крест, который мы несём, не говорил нам, что жизнь – это всегда дорога на Голгофу. Если бы мы, так же как и ОН, измученные и избитые жизнью не слышали радостных криков ликующей толпы, не знали горечи предательства близких людей... Если бы

наши ученики не отрекались от нас, как только, спотыкаясь под тяжестью креста, мы падаем в грязь! Если бы понимание и мудрость слов была услышана при нашей жизни – не приходилось бы смертью будить в людях совесть и возрождать любовь.

Он посмотрел на водку, шпроты, черный хлеб, купленный в магазине салат под шубой, вспомнил обещание больше сегодня не пить, быстро убедил себя, что Бог не зря превратил воду в вино и, налив себе очередной стакан, продолжил вспоминать всех, кто был ему дорог и уже покинул этот мир.

Война

Невиновные люди часто чувствуют себя виноватыми, а виновные ничего не чувствуют.

Глава 1

Глеб проснулся рано. Солнце только начало подниматься над линией горизонта. Он очень осторожно поднялся, стараясь не издавать звуков, надел спортивный костюм и подошёл к спящей жене. Ее роскошные солнечные волосы соломенными волнами закрыли подушки и часть одеяла. Наклонившись поправить спадающую на лицо прядь, он тут же был пойман спящими руками и возвращен в кровать.

– Нет, нет, – шептала она, – не уходи, что тебе этот сад. Побудь рядом, хотя бы чуть-чуть. Ты розы любишь больше, чем меня... – произнесла она на выдохе и тут же уснула.

Он ещё какое-то время, прислушиваясь к дыханию жены, гладил кончики её пальцев и думал, что мир и счастье живет в каждом мгновении – в первом луче солнца, пробившемся сквозь ставни окна, в мухе, жужжащей на стекле, в ритме настенных часов, в собаке, спящей у них под одеялом, в спокойствии и понимании утренних дел, дневных забот и вечерних бесед у телевизора на кухне.

Получив наслаждение от своих мыслей, он встал, тихо прикрыл за собой дверь и вышел на балкон. Ноябрь окрасил сад ярким цветом созревших плодов. Оранжевые мандарины и апельсины, словно ёлочные украшения, приготовили деревья к празднованию Нового года. Желтые шары помело, набрав вес, согнули ветки до самой земли. Бурые, местами лопнувшие плоды граната упрекали его за нерасторопность, напоминая о том, что их забыли сорвать. Зеленые маракуйя грелись в лучах утреннего солнца и вспоминали свою более теплую родину. Розовые кусты пестрели нежной палитрой красок, черные оливки приготовили свою живительную горечь для масла.

Спустившись на кухню, Глеб вскипятил себе чай, положил в чашку лимон, налил сироп короба, получаемый из плодов рожкового дерева, и только собрался готовить завтрак, как услышал характерный звук пришедшего на телефон сообщения.

«Срочно смотри Интернет, тебя ищет Интерпол, адвокаты будут на Кипре через два дня» – прочитал он и тут же лишился мира, порхающего настроения, красок сада – всего, что только что ласкало и согревало его. Холод страха пришёл к нему нервным ознобом, «война» снова постучалась и вошла в его жизнь.

Глеб тяжело вздохнул и пошёл будить жену – нужно было собирать вещи, срочно покидать дом и думать, где прожить два дня до приезда адвокатов Посольства Российской Феде-

рации...

– Маруся, – прошептал он, – а поедем в наш отель, сегодня... солнышко замечательное, и в открытых бассейнах ещё вода не остыла – полежим, позагорает.

– А завтракать там будем? – открыла она один глаз и улыбнулась.

– Конечно! Так хочется утреннего шампанского и стаканчик морковного сока у бассейна.

– Да! Да! Да! – выкрикнула она громко, словно и не спала несколько минут назад. – Скорее поднимаемся, я собираю все сумки, ты корми уличных собак и... ух ты, молодец какой! А я лежу и думаю, чего же я хочу от сегодняшнего утра.

В доме все оживо. Собаки радостно махали хвостами и бегали за хозяевами как привязанные, вещи укладывались в сумки, двери хлопали, кофе пах, телевизор лечил и продавал.

Amathus Beach, пятизвездочный отель Лимасолла, встретил их как обычно – вкусно и приветливо. На завтрак они, как люди пережившие «голод», положили в свои тарелки все, что нравилось глазам. Бекон, обжаренный до хрустящей корочки, печеные овощи, баклажаны с чесноком, охотничьи сосиски, национальные кипрские «замазки», куриную грудку, макароны под сливочным соусом, долму и горячий сыр халуми с характерными полосками, оставшимися в результате его приготовления на гриле.

Выбрав стол, они еще много раз бегали за шампанским, соками, фруктами, пирожными, муссами и разноцветными желе, весело комментируя своё безудержное обжорство.

Настроение было прекрасным. Шампанское в солнечных лучах играло ленточками пузырьков и ласкало сознание радостью. Воробьи воровали крошки хлеба прямо со стола, кошка хрипло мяукала, требуя кусочка куриного мяса, жизнь была прекрасна и могла бы замереть, дав ею насладиться, но в голове Глеба, как вбитый в стену гвоздь, пульсировала мысль: «Что произошло? Почему меня ищут?» И поэтому, когда они наконец-то перешли к бассейну, и жена громким выдохом обозначила наступившее счастье, расположившись на лежаке, он достал свой телефон и вышел в Интернет.

«Как стало известно из сообщения, распространённого полицией Кипра, к похищению картины Эдгара Дега может быть причастен гражданин Российской Федерации. Со слов потерпевшего, семидесятилетнего киприота, незадолго до кражи русский был у него дома и приценивался к полотну»... Глеб закрыл глаза. Он мог ожидать чего угодно, но только не этого.

Солнце припекало, теплый день как будто нарочно ласкал и расслаблял, словно хотел сказать – «наслаждайся, это твои последние спокойные мгновения».

Он снова открыл глаза и продолжил читать.

– По данным полиции, полотно «Танцовщица, поправля-

ющая туфельку», размером 61 на 47 сантиметров, стала самым дорогим живописным произведением, когда-либо похищенном на Кипре. Поэтому журналисты окрестили его преступлением века. Полиция уже арестовала двух киприотов и одного гражданина Южной Африки и передала данные в Интерпол на розыск гражданина Российской Федерации.

«Так, – Глеб положил телефон рядом с собой и внимательно осмотрел фасад отеля, – если у них есть моя фотография, значит, очень скоро меня будут искать во всех публичных местах с помощью видеокамер».

– Эй! – услышал он голос жены и поднял на неё глаза, – ты чего такой серьёзный? Лицо, как будто сейчас в атаку пойдёшь! Случилось чего?

– Да, – произнёс он еле слышно, – похоже, я попал в плохую историю... вот только никак не пойму – кому и зачем это нужно.

Глеб смотрел на жену и чувствовал, как его напряжение передается ей по невидимым связям, живущим только между близкими людьми.

– На Кипре это пишут во всех новостях – украли картину. Полиция считает, что я могу иметь к этому какое-то отношение.

– Что? – нескрываемое удивление и даже лёгкая улыбка иронии с неверием в уголках губ скользнули по её лицу. – Картина? Ничего не понимаю... ты можешь толком пояснить, что произошло?

– Две недели назад, – начал Глеб свой рассказ, – я ездил в одну деревню смотреть дом. Тебе ничего не говорил, потому что хотел сначала сам понять, представляет ли он интерес для покупки.

Она смотрела на него, и он чувствовал, как ерзают в голове жены вопросы, как рвутся они наружу.

– Дом неплохой, но оказался очень большим, старым, а главное – продавался с мебелью, картинами, коврами и прочей ерундой.

– И что?

– Два дня назад, – продолжил Глеб, не обращая внимания на вопрос, – мне позвонил хозяин дома и сказал, что готов продать только дом, в рассрочку, и поэтому приглашает меня на встречу в офис к своему адвокату.

– Не понимаю! – перебила его жена. – Ты мне ничего не говорил, я дом не видела, согласия на покупку не давала. Ты что, поехал обсуждать сделку, даже не ставя меня в известность?

– Да, я поехал на встречу, но только – посмотреть документы на землю, увидеть титул, подтверждающий право собственности и узнать, сколько в итоге хотят за дом денег...

Произнеся это, он не поверил сам себе. Его интонация, слова говорили о том, что он оправдывается, плохо связывает логику и действительность, пытается что-то скрыть, а главное – делает это, потому что очень мало знает.

– Подожди, – прервал он желание жены задавать вопросы,

набирая московский номер.

– Николай Иванович, добрый день. Как дела? Здоровье? Погода?

– И тебе не хворать, – услышал он голос генерала, – сейчас смотрю НТВ, какой-то русский бизнесмен организовал похищение картины Эдгара Дега. Показывают его фотографии, даже домашнее видео из Интернета нашли и во всей красе демонстрируют этого проходимца. И знаешь, что удивительно... очень похож на тебя, и к тому же – однофамилец.

– А что говорят, какого числа картину украли?

– Два дня назад. Этот дурак, – а иначе такого человека и назвать нельзя! – вызвал хозяина дома на встречу к адвокату, а пока они беседовали, соучастники влезли в дом, украли картину за шесть миллионов и ещё зачем-то прихватили сейф с часами. Ты же понимаешь, что подозрение сразу пало на русского. Жаль мужика, сто процентов найдут и посадят.

– Значит, погода, говоришь, плохая... – произнёс Глеб, остро чувствуя, как от наползающего страха холодеют пальцы, а сердце прыгает у самого горла, – говоришь, пару дней нужно где-то посидеть пока, успокоиться?

– Когда кончится, прилетишь в Москву, я тебе лично розгами высеку. Какого черта ты попёрся в этот дом, поехал на встречу и главное – никому не сказал, ни с кем не посоветовался?!

– А что, ты считаешь, это ответный ход наших оппонентов? Если да, то почему так сложно, можно было бы просто

совместить мушку с пальцем на пусковом крючке.

– Послушай! – Было понятно, генерал тоже нервничает. – Ты там на своём Кипре мозгами размяк. Я понимаю – вино, солнце, жена молодая, но опыт и чутьё пропивать нельзя. Словом, попал ты плохо, денег на эту провокацию не пожалели, а главное – мой старый нос чувствует, что это ещё не всё. Думается, это первый удар. Без последствий не выскочишь.

Глеб выключил телефон и посмотрел на жену; нужно было находить слова и подбирать их так, чтобы это было правдоподобно.

– Маруся, – сказал он спокойно, – это провокация. Москва разбирается и будет помогать, сейчас нам нужно где-то пересидеть два дня до приезда адвокатов, лучше – на чьей-то квартире. Поверь, всё будет хорошо.

– Нет, – произнесла она резко, – не успокаивай! Я, – её голос задрожал, – ничего не понимаю. Почему если тебя ищет полиция, и ты к краже не имеешь никакого отношения, прямо сейчас не прийти с повинной?

– С чем? – Глеб рассмеялся немного громче обычного, пытаясь разрядить растущее напряжение. – Повинной? Ты нервничаешь и путаешь понятия. А два дня мне нужно только для того, чтобы именно адвокаты Посольства Российской Федерации представляли мои интересы в полиции, у них будет официальный доступ к материалам дела, и мы сможем грамотно составить защиту.

– Тогда... – Она встала с лежака и стала складывать вещи в пляжную сумку. – Мы едем в аэропорт, встречать твоих минских друзей. Они, если ты помнишь, всегда останавливаются в квартире дочери, а свою сдают. Сейчас там как раз никого нет, место тихое, и парковка для машины есть.

– Вот умница, вот молодец! – Глеб подтянул к себе жену, обнял и поцеловал в губы. Несколько секунд они молча стояли. Он понимал, что скоро им придётся на какое-то время расстаться, и это пугало его. Она чувствовала все намного острее. Незнестность, сдавила её, страх поедал мысли пониманием случившейся беды. Она вздрогнула и крепко прижала его к себе, вступив в поединок с силой, отбирающей у неё мужа.

Дорога в аэропорт Ларнака прошла в молчании, но как только они вошли в здание и в толпе появились прилетевшие из Белоруссии друзья, мир вернулся радостными объятиями, суетливыми криками и счастливыми глазами.

– Как же это здорово – осенью прилететь на Кипр, подставить лицо теплему солнцу и поднять рюмку за встречу с друзьями на балконе собственного дома! – произнёс Виктор, располагаясь на заднем сидении автомобиля. Он хотел позвонить Глебу и попросить встретить в аэропорту, но жена отговорила его. А теперь, когда всё само сложилось именно так, как он хотел, настроение его ликовало, а душа просила как можно быстрее оказаться за накрытым столом.

– Давайте выпьем за дружбу! – крикнул Виктор, как толь-

ко они оказались у себя дома. – Где рюмки, где тарелки?! Давай, жена, быстро всё, что есть, мечи из нашей печи... и салца белорусского с тмином порежь тоненько, чтобы во рту таяло! Мы с Ирой, – он посмотрел на жену и жестом показал, чтобы она быстрее ставила фужеры, – знаем Глеба больше двадцати лет. А это значит, – он подмигнул Марусе, – когда мы первую чарку с Глебом распили, ты ходила в школу! Давайте, братцы! – Виктор разлил алкоголь, и водка, виски, красное вино встретились в разной таре на середине стола и быстро расстались, чтобы каждому из присутствующих добавить розового на щёки, веселого на настроение и «счастливого» на печень.

– Нет, нет, нет, – продолжил солировать Виктор, видя, как женщины, не допив, решили вернуть фужеры на стол, – никаких отговорок не принимаю! За любовь! Хочу выпить за любовь! По полной и никаких разговоров! – Он снова налил, и на этот раз – под самый ободок.

Все выпили, но у всех это было по разному. Белорусы испытывали счастье, Глеб выжидал, планируя подходящий момент для просьбы, Маруся заливала нервы, понимая, что только подливает масла в огонь.

– А знаешь... – Виктор сел к Глебу ближе, обнял его и тихо, хотя это было слышно всем, прошептал. – Я тут недавно видел твою бывшую. Она в Минске у меня снимала квартиру, встречалась со своим московским любовником. Вот я тебе скажу он засранец... когда выезжал – за каждый еврик

со мной бодался!

– Так, – произнесла очень громко Ира, понимая, что виски вытаскивает из мужа глупость, – давайте выпьем за Кипр, он такой тёплый, такой хороший, тут растут наши внуки, тут нет политики, а главное – тут мы встречаемся.

Маруся, чей слух был, в отличие от собравшихся, самым лучшим, не только услышала сказанное Виктором, но и, в наносекунду переключив тумблер с опасности на ревность, метнула в Глеба молнии, равные по мощности реакции деления ядер урана.

– Тихо, ты что? Маруся рядом, какая бывшая, – в самое ухо прошептал товарищу Глеб, – переключись, поговори о чём-нибудь другом.

Виктор взял стакан с виски, поднялся, внимательно посмотрел на присутствующих, остановил свой взгляд на Марусе и продолжил:

– Вы же умные ребята, надеюсь пупсиков, не собираетесь заводить? Живите для себя... что моя дочка, что твои, Глеб, дети выросли, спасибо не сказали... – он тяжело вздохнул, было видно – что-то очень тяжёлое вдруг свалилось на него, проявив слёзы на глазах. Вернувшись обратно на диван, Виктор, не чокаясь, выпил все до самого дна и устало вернул пустой стакан на стол.

– Всё, напился! – произнесла Ира. Виноватая улыбка сожаления скользнула по её лицу и улетела. – Ребята, и особенно ты, Маруся, живите дружно, не слушайте никого, ни

на кого не оглядывайтесь, мы вас очень любим, всегда ждём в гости, всегда вам рады и будьте здоровы. — Она выпила фужер красного вина, посмотрела на грязные тарелки, раскрытые чемоданы, разбросанные по комнате вещи, ещё раз виновато улыбнулась, понимая, что сегодня сил убирать со стола, а тем более мыть посуду, у нее нет.

Маруся, вспыхнувшая, как солома в жаркий день при одном упоминании имени бывшей жены Глеба, выпила свой фужер залпом; вечер показался ей испорченным и она, сильно наступив под столом Глебу на ногу, жестом руки показала ему, что пора уходить.

Прощаясь, Глеб, обнимая Виктора, сказал, что ему очень нужен ключ от их квартиры в городе, а получив его, понял, что встреча, пропитавшись алкоголем, закончилась так высоко над проблемами и Землёй, что подробности произошедшей с ним истории никому не нужны.

Засыпая в чужом доме, он пытался думать; видел, как злобные силы раскачивают стены и вращают потолок. Смотрел на спящую жену, почему-то нервно зевал, пытался сказать себе, что ничего не боится, и от этого наоборот — испытывал нервную дрожь. И только после того, как выпил крепкого чая, постоял на балконе, разглядывая созвездие Ориона, к нему пришло спокойствие, а потом — и сон.

Дверной звонок визжал, как поросёнок, пойманный за задние ноги. Голова понимала: утро, кто-то ломится в дверь;

высохший от похмелья рот шевелил губами, как рыба, оказавшаяся на берегу, а ослабшее в сражениях с алкоголем тело вставать, а тем более куда-то идти и чего-то открывать не только не хотело, но и не могло.

– Глебасик, – услышал он ласковое слово откуда-то из дальнего далека и, решив, что это не к нему, накрылся одеялом с головой, – вставай, Виктор пришёл.

– Кто? – произнёс Глеб с надеждой, представляя, что сейчас всё само собой улетучится, и он будет спать дальше.

– Вставай, вставай, Виктор сидит на кухне и хочет с тобой поговорить.

Глеб открыл один глаз, потом другой, понял, что дурацкая поролоновая подушка всю ночь кусала его за шею и сейчас он не может поворачивать голову.

– Маруся, чего он хочет?

– Не знаю! Иди, разбирайся!

– Ох, тяжела шапка Мономаха... шея затекла, печень-птица «феникс» умерла, ноги отекли, и враги окружают... – Глеб поднялся, обернулся простынёй и вышел к другу.

Виктор сидел с очень бодрым лицом, глаза его совсем не помнили вчерашней пьянки, язык издавал звуки, которые Глеб не сразу понял.

– Спишь, валяешься, это хорошо! А меня с утра дочь подняла, прислала всякие ссылки из Интернета, а там ты во всей красе. Что же ты мне вчера не сказал, что тебя Интерпол ищет?

Глеб просыпался, он понимал, что разговаривают с ним, но как это обычно бывает похмельным утром – слова доходили до понимания не сразу, а мерцали и дрожали, словно эхо из туманного ущелья.

Виктор по-хозяйски налил себе чая и продолжил:

– Тебе нужно из города уезжать, пойдешь в магазин или машину твою под домом кто найдёт и всё, приехали. Тебя арестуют, а с меня спросят. Получается, скрываю тебя от правосудия...

Глеб понимал, что говорит ему товарищ, и не понимал одновременно. Его правда почему-то была очень похожа на кривду.

– Подожди, – перебил он Виктора, – ты чего пришёл? Чего хочешь-то? Не пойму, к чему клонишь?

– Глеб, давай ты куда-нибудь в другое место уедешь. Понимаешь, мне нужно визу получать на Кипре, дочери нужно помогать, а у тебя такие проблемы, что и меня могут наказать... – Лицо Виктора было искренним, оно просило, говорило: нужно понять, и рассказывало о том, что своя рубашка ближе к телу, а друзья прекрасны только за столом.

– Хорошо, – через минуту произнес Глеб, – мы уедем, только вот наверняка полиция уже знает номер моей машины. Может, снимешь для меня в прокате машину на три Дня?

В ответ он услышал как тикают часы, как нервно моет тарелки в раковине Маруся, как резко закрылась за другом дверь, как быстро сбежали его ноги по ступеням лестницы,

как сжимается вокруг него кольцо из целой армии полицейских, с каждой минутой приближающихся к нему.

– Ну что, – сказал он жене, усаживаясь в автомобиль, – может, Господь сегодня поддержит своих блудных детей, и они на своей машине спокойно доедут до Ларнаки?..

– До Ларнаки? А что мы там будем делать? – Жена снова вернулась к пониманию трагедии происходящего и была подавлена.

– Ты знаешь, когда-то, очень давно на Чукотке... – Он завел двигатель и поехал. – Я попал в трудную ситуацию. Ещё в хорошую, ясную погоду пошёл на буровую, у меня была смена, – я тогда геофизиком в экспедиции работал. Погода менялась, к концу вахты дунул южный ветер и принёс пургу...

Он выехал с парковки и поехал в сторону аэропорта.

– И вот смена кончилась, до дома – пять километров, а на улице ледяной ветер и низовая пурга, снег летит с такой скоростью, что только встав на четвереньки можно двигаться вперёд; поднимись, покажи какой ты сильный – и ветер собьёт тебя с ног, кинув на ледяные торосы. Знаешь... – Он замолчал, вспоминая, как полз на карачках по гусеничному следу вездехода ГТТ, как обмороженными, голыми руками постоянно проверял характерный оттиск траков, боясь потерять дорогу в летящем снеге, вспомнил, как, придя домой, он долго сидел у кровати спящих детей, понимая, что легко мог не вернуться и не услышать в этой спокойной тишине сопящих носиков своих малышей. – И знаешь, – повторил

он снова, — чему я тогда научился? Нужно очень, очень стараться вернуться домой, к своим любимым, и Господь... или ангелы... тебе помогут. Потому что если сравнить меня и мои силы с чукотской пургой и огромными ледяными просторами, то без веры и желания увидеть близких людей, попав в такую ситуацию выжить невозможно. Шаг, сделанный в страхе в другую сторону, равносильен прыжку в пропасть, и я понял в самый сложный момент: ноги переставляем мы, но направление задаётся нам свыше. Понимаешь, о чем я говорю? — Глеб посмотрел на жену, оторвавшись взглядом от дороги — она спала; его голос, рассказ, похоже, принесли ей спокойствие и возможность хотя бы немного отдохнуть.

Дом, к которому они подъехали, был недалеко от маяка и стоял у самой кромки моря. Разбудив жену, Глеб вышел из машины и, твердо шагая в полную неизвестность, широким жестом распахнул скрипящие ворота и пошёл навстречу хозяину дома.

— Вот это да! Вот это ветер шутики шутит, или сейчас снег пойдёт! — услышала Мария возглас незнакомого ей человека с колючим, оценивающим взглядом.

— Как это тебе, Глеб, смелости хватило явиться ко мне домой? — снова произнёс человек в дверях дома, продолжая рассматривать Марию.

— А что, сегодня восточное гостеприимство денег стоит или можно за стол сесть? — с интонацией лёгкой иронии про-

изнес Глеб, помогая жене выйти из автомобиля.

– Ну, ну, – отступая в сторону и давая возможность войти, произнёс хозяин дома.

В большом зале с колоннами на диване сидели пять человек, тут же в гостиной стоял накрытый стол, рюмки, тарелки, остатки пищи и дымящие в пепельницах сигареты говорили, что застолье длится давно, и присутствующие изрядно выпили и закусили.

– Люди, – обратился к собравшимся хозяин, – смотрите, кто к нам пришёл! Это про него я вам сегодня рассказывал. Это именно этот человек пытался вякать и чего-то там противостоять мне. Но как я вам говорил, со мной связываться – что себе вены резать, и он, конечно же, работает теперь на меня.

Глеб вошёл в дом, представил жену незнакомым людям, крепко взял под локоть хозяина и вышел на веранду.

– Искандер, хорош рекламу мне создавать. У меня проблемы, полиция ищет, не сегодня завтра – придут с обыском в дом... ты можешь меня спрятать или я дальше поехал?

– Э, что вы за люди такие, русские! – Он освободил свою руку, улыбнулся и продолжил:

– Конечно, дорогой, мой дом – твой дом, только долю с продажи картины мне пришлешь... ты теперь в Интернете – самый популярный человек. Вот тебе, – он вытащил из кармана связку ключей, – по улице – самый последний дом, сигнализации нет, водка и еда в холодильнике, утром в гости

зайду. И помни, что это я тебе помог!

Длинный тяжёлый день бегства не хотел заканчиваться. Глеб снова позвал жену в машину, снова завел двигатель, снова чужими ключами открыл незнакомый дом, снова лёг под чужое одеяло и снова долго не мог уснуть, думая о том, что же ждёт его завтра.

День наступил в этот раз так неожиданно и так прекрасно солнечно, что Глеб, открыв глаза, не поверил сам себе. Стрелки настенных часов показывали двадцать минут десятого. Безуспешно пытаясь вспомнить, когда в последний раз он просыпался так поздно, Глеб рассматривал интерьер комнаты. «Удивительно, – сказали ему мысли, – может, и нет ничего? Может, уже нашли настоящих воров и меня никто не ищет?..» Тишина, яркий свет солнца и море за окном укрепили его мысли, и он, поднявшись, приглашаемый какой-то силой, сначала спустился со второго этажа, потом прошёл через зал, открыл балконную дверь и вышел на тропинку, идущую прямо к морю.

Камушки под ногами шуршали и немного покалывали. Ветер ласкал и наполнял лёгкие сладким воздухом, чайки сидели на воде, одинокая рыбацкая лодка с подвесным мотором медленно покачивалась на тягучих волнах, водоросли, выброшенные на берег, таяли, отдавая запах йода.

– Стоять! – Услышал он игривый голос жены и оглянулся назад. – Купаться и без меня!

Маруся бежала как ребёнок, выставив руки ему навстречу.

– Красота, – произнесла она, обняв мужа, – сколько света вокруг! Смотри, как на волне солнце забавляется, зайчики так и прыгают, так и прыгают, аж нос чешется.

Вода была прекрасной, берег в этом месте был неглубок, и лучи далёкой звезды, отразившись от пестрого песка, подарили ей своё тепло.

Целый час они плавали и никак не могли насладиться мгновением счастья, выросшим из понимания неминуемо надвигающейся беды. Они целовались, лежали у самой кромки воды, говорили, снова целовались, думали каждый о своём, оставляя за надеждой будущее.

Вечер наступил неожиданно, пригласив сумерки в гости. Маруся, гонимая своим настроением, зажгла в гостиной свечи, усадила мужа в кресло и настойчиво попросила рассказать ей что-нибудь необычное и обязательно – о любви.

– О любви? – переспросил Глеб и, получив в ответ кивок головы и ярко горящие надеждой глаза, начал свой рассказ: – В одном далёком и засыпанном снегом городе, почти у самой кромки леса, там, где лампочка уличного фонаря перегорела много лет назад, жил одинокий мужчина. Его квартира уже давно не видела влажной уборки, белье забыло, как выглядит уют, а посуда всё чаще и чаще довольствовалась холодной струёй воды. Апатия и потеря интереса к жизни справились с его настроением, а понедельники не приносили ему желаний

чего-либо менять. И только одно-единственное ещё немного теплилось и заставляло просыпаться утром, повторяя день в давно сложившейся последовательности. Это «одно» в мыслях было очень сладким и правильным. Оно рисовалось воображением и всегда заканчивалось одинаково – его бывшая жена наконец-то умирала.

– Это что? – перебила его Маруся. – Я про любовь хочу!

– Они расстались уже давно, более десяти лет назад, – Глеб улыбнулся и, не отвечая на вопрос, продолжил: – И первое время он совсем не вспоминал её. Мужчина ходил на работу, по выходным пил пиво с друзьями, наслаждался отсутствием постоянных упрёков в безденежье и криков о его диванопоклонстве. Но время, это непонятное науке существо, ползущее как лава и мчащееся быстрее света, dokonало его окончательно отражением в зеркале, ревматизмом, отёчностью ног и плохим сном. «Вот, – сказал он себе однажды вечером, – незаметно и жизнь прошла». Эта мысль чуть коснулась его сознания, но потом стала приходить к нему каждую ночь. А так как размышления, настоянные на бессоннице, имеют способности дрожжевого теста, мужчина очень быстро пришёл к выводу, что именно его старая жена виновата во всех его болях, бедах и проблемах. «Она воровка, – говорил он себе, пересчитывая ложки с ножами и вспоминая большую царапину на отобранном у него комод. – А человек какой гадкий! Детям не помогает, с внуками не сидит, – загибал он пальцы, подсчитывая её подлости, – к родителям на

могилу не ходит, животных не любит, зато хвостом покрывать – это всегда пожалуйста! При мне ещё, сучка, по мужикам бегала... Ну разве это человек? – спрашивал он себя. – Разве такой должна быть порядочная жена? Тридцать лет я чужой бабы нюхом не нюхал и слухом не слыхивал. Копейку к копейке в дом приносил. Чекушку с друзьями только на подработанные деньги покупал. Всё в семью! Пойду на речку – рыбы наловлю, пойду в лес – грибов принесу. А огород? Это ж сколько выращено моими руками! Помидорчики, огурчики – один к одному! – потом моим политы, мозолями заслуженны. Да чтоб ты сдохла, старая стерва!» – шептал он каждое утро, начиная новый день. Но вот как-то раз его ночная «молитва» о жене прозвучала в сознании более ярко, и мысли пришли к пониманию, что пора перейти от слов к делу. Подкараулить у дома, встать где-нибудь в тёмном месте, чтобы никто не увидел, да обухом приласкать. Идея понравилась мужчине, и с каждой следующей ночью она стала оживать вариантами и красками заслуженного наказания жены. Сначала он вспоминал, как выглядит подъезд её дома, и прикидывал, где ему лучше спрятаться. Потом фантазия вела его на второй этаж, он звонил в дверь и, меняя голос, прикидывался соседом, просил открыть дверь. «Что! – кричал он, попадая внутрь квартиры. – Хана тебе, дрянь! Сейчас я тебе всё припомню, особенно слова твои гадкие, такие прямо мерзкие, что до самых гланд достающие и душу выворачивающие. Бездельник, значит, я! Засранец и эгоист!»

Мужчина замахивался и бил кулаком по лицу. Она плакала, умоляла простить, винила себя во всём, жалела о разводе и умоляла съехаться и снова начать жить вместе. А он смеялся и радовался, глядя, как жалко и беспомощно лежит она у его ног... Просыпаясь утром, он чувствовал, что с этими мыслями ему становится легче. Появление цели, заключающейся в мщении, стало заметно стимулировать и упорядочивать его жизнь. Посуда после завтрака мылась, тараканы получали своё полотенцем, а топор из чулана перебрался на кухню и занял самое видное место у плиты. И вот в один тёмный вечер, как ружье, висящее на театральной стене, его состояние перешло в последнюю заключительную фазу и он совершенно спокойно, уже по проложенному в голове маршруту, пошёл к дому жены, прихватив с кухни топор. Снег похрустывал, мороз цеплял кончик носа, дым поднимался над трубами, лаяли собаки, показывая своим хозяевам, что их есть за что кормить... а мужчина, ведомый идеей мщения, шагал по дороге, не хоженной им уже много, много лет. Пройдя половину пути, он почувствовал, как тяжелеют его старые ноги, как потягивает болью правое колено, а прокуренный, попавший на холод бронхит проявил себя скрипучим кашлем. «Эх, старость, – произнёс он с досадой, – как тут не озлобиться. Сейчас бы лежал в ванной, жена бы чайку подала с малиной, спинку потёрла. Так нет же, – в его голосе появилась интонация нескрываемой злости, – ушла, бросила одного подыхать, а сама, небось, пряники лопает и нали-

вочку попивает!» Бурча и поскрипывая, мужчина подошёл к дому жены. Прислушиваясь к себе, он не почувствовал волнения, его сердце не стучало тревогой и не проявило сомнения. «Так, – всматриваясь в плохо освещенный вход в подъезд, произнёс мужчина, останавливаясь. – Теперь бы никакого случайного шайтана не встретить. Пожалуй, немного постою и отдышусь», – шёпотом подвёл итог своим действиям мужчина. Тишина и отсутствие на улице случайных прохожих пустили в его голове обратный отсчёт, и он пошёл навстречу своей цели без колебания и страха. Поднявшись на второй этаж, он проверил топор, спрятанный под тулупом, и нажал на кнопку звонка. Но... открылась соседняя дверь. «Вы кто?» – В проёме квартиры стояла девушка, почти девочка еще, школьного возраста. «А тебе что за дело?» – грозно и зло бросил мужчина, понимая, что такого поворота событий в его ночных картинках не было. «Вы к Васильевне? – не замечая настроение хмурого гостя, спокойно произнесла девушка. – Так нет её. Ещё вчера “скорая помощь” в нашу больницу, что на горке, увезла». – «Как это?» – опешил мужчина. «Сердце. Очень тяжелый приступ. Выносили на носилках. Я когда помогала одежду ей надеть, даже о... о самом плохом подумала». – «О как!» – не зная, как относиться к этой новости, громко произнёс мужчина, разворачиваясь к выходу. Обратной дорогой он думал. Предположения наполняли его мысли разными версиями. Казалось, он был очень доволен, что жене наконец-то плохо, и сейчас там, в больни-

це, ей достаётся, – пусть не от него, но по справедливости и по полной программе. Однако радости и удовлетворения от своих чувств он не ощутил. Более того, тревога – сначала маленькая, но всё более возрастающая по мере приближения к дому – толкала его как можно быстрее позвонить в приемное отделение и поинтересоваться ее состоянием.

Поэтому, вернувшись домой, он, бросив топор в прихожей, не снимая и не стряхивая снега с валенок, прошёл в комнату и тут же начал листать страницы телефонного справочника. Утром, уставший и обессиленный, он поехал в больницу. Морг, стоявший неподалёку от главного корпуса, был такой же старый, как и он сам. Войдя внутрь, он ощутил запах плесени и сырости. На металлическом столе лежала его жена – её одевали и укладывали в гроб. «Завтра. – Услышал он голос санитаря и вздрогнул. – Придёте к десяти часам и заберёте тело». – «Завтра», – прошептал он чуть слышно и подошёл к ней. «И вот, для вас записка», – санитар протянул сложенный вдвое листок школьной тетради. Пальцы старика задрожали, влажные от слёз глаза побежали по строчкам, раскрывая смысл сознанию: «Миша, я ухожу. Напоследок хочу покаяться и испросить у тебя прощения. Сейчас я понимаю, какими мелкими и глупыми были наши ссоры. Ты хороший, а главное – очень добрый человек. Всю жизнь я любила только тебя. Прощай». Мужчина свернул листочек, бережно убрал его во внутренний карман старого пиджака, медленно вышел из морга и, сев в автобус, поехал домой. А

через два дня на городском кладбище, прямо у оврага, свежая земля отдавала тепло морозу, поднимая слабые струйки пара. В изголовье могилы стоял деревянный крест, а на его табличке, неумело, краской были написаны две фамилии и один день смерти».

– Зачем?.. – произнесла Маруся чуть слышно. – Это плохой рассказ...

Её глаза плакали, лицо отражало страдания и сочувствие. Свечи, заметно уменьшившись, расплзлись воском по столу, огонь их подрагивал, заставляя тени от предметов, стоящих в зале, шевелиться.

– Ты даже не знаешь, что ты сейчас сделал... – сказала она громче, встав с кресла и переходя на пол рядом с ним. – Представляешь, нам позвонили родственники и сказали, что умерла моя бабушка, а пока мы ехали на машине, умер дед. Заходим в дом, а там два гроба.

Глеб обнял её, рассказ получился. Её лицо, слова и глаза говорили ему, что маленькие тревоги и проблемы ушли, уступив место размышлениям о великой силе любви.

– Пойдём, – произнёс Глеб, подавая ей руку, – я знал...

Она не дала ему договорить – поцелуй запечатал его рот нежностью, говорящей, что на сегодня время разговоров закончилось.

Второй день разбудил их дверным звонком.

– Ну что, – с порога резко начал говорить Искандер, – я

выяснил через своих людей в Москве, что дела твои плохи... но я могу помочь. — Он достал из холодильника водку, закуску, а из кармана — зеленый дипломатический паспорт.

— Мы сейчас выпьем, ты подпишешь бумаги о передаче мне в собственность участков на Озинском месторождении и я... — Он остановился, внимательно посмотрел на Марию. — Вывожу вас на своей машине на турецкую территорию.

Глеб с женой переглянулись.

— Искандер, — начал говорить Глеб как можно спокойнее, — спасибо тебе, конечно, за гостеприимство, но пару ночей в этом доме не могут стоять двухсот гектаров земли. И почему ты решил, что мне нужно убегать с Кипра?

— Да потому что я уверен, что именно ты организовал эту кражу! Я даже догадываюсь — для кого. Ты, конечно, ещё тот фрукт. Думаешь, не знаю, как ты помог бежать из России президенту холдинга СКИФ, а потом, войдя к нему в доверие и проработав на него целых два года, сдал его австрийской полиции. Вот, смотри, — он достал из кармана записную книжку, — это телефоны первых лиц всех наших силовых структур. Я как депутат такие связи имею, такие возможности...

Глеб слушал его и не слушал одновременно. Он хорошо знал этого человека. Папки с аккуратно подшитыми документами, собранные службой безопасности холдинга СКИФ, выписки с его счетов, документы на покупку домов, яхт, автомобилей, огромные суммы наличных денег, передаваемых

курьерами под расписки, легальные и не легальные операции с оффшорными компаниями – всё хранилось в его рабочем кабинете под грифом «Криминал».

Он перевёл взгляд на жену, выражение её лица менялось. Растерянность, недоверие и даже страх, появившейся в морщинах лба, говорили ему, что она, как самый обычный человек, воспринимала длинный диалог депутата и тут же примеряла его слова к действительности.

«Молодец, – отметил он про себя, – верит людям, ещё считает, что человек, стоящий у власти или выбранный народом в Государственную Думу, обязательно должен быть порядочным».

– Ну так что? – Искандер протянул ему рюмку водки. – По рукам! Я спасаю твою жизнь. Не хочешь в Турцию, сейчас звоню Послу, и мы перевозим тебя на территорию нашего Посольства, а ты передаёшь мне землю в Москве.

– Конечно! – произнёс Глеб, принимая рюмку. – Только, к сожалению, твоё предложение осуществить невозможно. Меня обвиняют в уголовном преступлении, и посольство не имеет право давать мне убежище, это являться грубым нарушением подписанных между Россией и Кипром соглашений. Но ты можешь помочь мне в другом.

Он сделал паузу, выпил водку, посмотрел на жену, почувствовал её неодобрение, перевёл взгляд на стоящие в углу комнаты морские удочки и понял, что очень давно не был на рыбалке.

– В Пафосе есть почетный консул России на Кипре, киприот, поедem к нему вместе, твой значок произведёт на него должное впечатление, а я буду выглядеть не как русский мафиози, а как человек, которого оклеветали и за него заступается государство.

– Машина стоит около дома, даю тебе на сборы десять минут! – Искандер выпил согретую долгим разговором водку, поднялся и не прощаясь вышел.

– Ты оставишь меня в незнакомом доме? – произнесла Маруся, как только входная дверь за ним закрылась. Её глаза просили, хотели понимания и надеялись на чудо.

– Да, пока другого места я предложить тебе не могу. И, – он обнял её, стараясь даже мысленно передать спокойствие, – с дороги хорошо видно номер нашего автомобиля. Открой крышку багажника, так его будет невозможно рассмотреть.

Она кивнула, отпустила его переодеваться, поцеловала на прощание у дверей, а оставшись в одиночестве, съежилась на диване, завернувшись в лёгкое покрывало.

Море шуршало волнами по шлифованным камушкам, ветер тихо посвистывал в щелях балконной двери, солнце как надежду дарило свет, мир жил в каждой наступившей секунде, но голова Маруси, её мысли были очень далеко от всего этого. Размышления, восстановление в памяти событий двух последних дней не приносили ей успокоения, не давали ответов, формировали ощущение нарастающей опасности.

– Что же делать? – произнесла она вслух. – Ждать и не понимать – чего... совершенно невозможное состояние! – Она встала, нашла в баре виски, налила себе полстакана и снова вернулась на диван.

«Как же хорошо было в Москве, – пришли к ней воспоминания с первым глотком. – Я ходила на работу. Глеб вставал рано утром, готовил завтрак, потом спускался к подъезду, прогревал и чистил от снега автомобиль, а когда поздно вечером я возвращалась к накрытому столу и фужеру вина, то чувствовала, что счастье живет в наших глазах, касаниях рук и ночных поцелуях».

Она сделала ещё пару глотков и наконец-то увидела цвет моря.

«А как мои любимые девочки красиво организовали и провели девичник на работе! Как было весело и приятно слушать их искренние пожелания. Одно плохо...» – Она быстро вскочила, подбежала к большому зеркалу в коридоре и подняла блузку на животе.

– Толстею! Бока появились. А всё началось с огромного, политого белой глазурью торта со значком «Тойота», без остатка съеденного на девичнике. И Глеб, коварный искуситель, каждый вечер на ночь мясо запекает! – Она опустила блузку, погладила и похлопала себя по бёдрам. – А это что зацепилось и висит? Нет, нужно снова заняться своим телом, ходить в бассейн, уменьшить порции вдвое, и – добавить секса. Да! – утвердила она, вернувшись в гостиную. – Сейчас

закончится эта непонятная канитель с картиной, и мы снова будем жить спокойно, наслаждаясь общением...

Маруся встряхнула волнами своих выющихся волос, сделала ещё несколько глотков виски, глубоко вздохнула, ощутила, что вокруг неё есть мир, и страх опять стал медленно покидать её мысли.

Выйдя на берег с бутылкой и стаканом, она красиво поставила их на песок. Посмотрела по сторонам, убедилась в пустынности пляжа и отсутствии наблюдателей в соседнем доме, разделась и, ласкаемая ветром, пошла в воду.

Купание голышом нравилось ей всегда, но сейчас, именно в это мгновение, её кожа и чувства испытали восторг рождения и освобождения. Прозрачность воды дарила ей возможность видеть линии тела, и она, забавляясь сама с собой, стала придавать движениям эротичность. Сначала она стрункой вытягивалась на поверхности, поднимая грудь и живот над волной, потом медленно скручивалась и ныряла, так чтобы солнце успело скользнуть по белой коже округлых ягодиц, прежде чем вода снова скрывала их.

«Нет, – думала она про себя, – я ещё даже очень аппетитная и привлекательная женщина, а лишние килограммы, приставшие в последние месяцы, придали мне красивого эротического веса».

Нега, пришедшая на смену купанию, привела её на самую кромку затухающей на береговой линии волны. Отмель прогрелась лучше, она тут же ощутила это, добавив ещё один

плюсик к своему сверкающему настроению. Ей нравилось, что волна, бежавшая сотни километров, спотыкаясь о дно, затихала и сейчас ритмично покачивала её тело, заставляя животик нежно тереться о песок.

Выйдя на берег, она укуталась в покрывало, налила себе виски и стала с удовольствием играть солнечным светом, попавшим в стакан. Море, небо и алкоголь объединились в её сознании, и она почувствовала, как с каждым вдохом к ней приходит огромная сила, позволяющая терпеть, бороться и побеждать.

Глава 2

Кипрский адвокат Майкл Кириокополос сидел в переговорной комнате венской тюрьмы Йозефштадт в ожидании своего клиента. Материалы дела и детали задержания Сергея Михельсона австрийским Интерполом были ему известны, но чтобы скоротать время, он снова просматривал их, делая пометки в своем рабочем блокноте.

Время тянулось медленно, адвокат уже начал нервно зевать, думать, что встреча не состоится, как дверь комнаты отворилась, и его русский подопечный без наручников и конвоира вошёл внутрь, здороваясь.

Лицо арестованного было крупным, редкие седые волосы плохо прикрывали лысину, глубокие морщины прорезали лоб, взгляд передавал усталость, белые брови торчали разной длинной волос, кожа вокруг рта и на подбородке была болезненно красного цвета.

– Почки, – произнёс Сергей, понимая, о чём хочет спросить адвокат. – Даже не могу представить, что будет со мной в России. Тут врачи приличные, а в Бутырку привезут – и подохну. Вы знаете, на какое время назначена экстрадиция?

– Это наша последняя встреча. Через пять дней вас самолётом отравят в Москву. И поэтому я бы хотел рассказать о проделанной работе.

Сергей одобрительно кивнул головой, откинулся на спин-

ку стула и сложил на груди руки, приготовившись слушать.

– Итак, – раскладывая на столе документы, продолжил адвокат, – всё оказалось не так уж и сложно. – Как я раньше говорил, мой дядя, уже довольно старый человек, оставивший адвокатскую практику восемь лет назад, уединённо живёт в деревне на Кипре. А так как он остро нуждается в деньгах, я предложил ему организовать кражу хранящейся у него картины Эдгара Дега.

Брови Сергея выгнулись удивлением.

– Не понял... – произнёс он и нервно почесал подбородок. – Вы хотите сказать, что у вашего родственника в доме весит настоящий Эдгар Дега?

– По крайней мере, он сам так говорит... – Адвокат достал из папки фотографию. – Вот, можете посмотреть. Правда, кроме завещания его прабабушки никаких документов, подтверждающих подлинность полотна, нет.

– Хорошо, но хотя бы страховка у вашего родственника есть?

– К сожалению, и этого нет. Когда он жил в Лондоне и работал, страховка была... правда, делалась она на все принадлежащие ему картины без предъявления документов о подлинности.

– И как же вы хотите, с такими сомнительными доказательствами состряпать такое большое дело? – возвращая фотографию на стол, спокойно произнёс Сергей.

– А мы уже всё сделали... и получилось грандиозно гром-

ко! – Адвокат улыбнулся, азарт крутящихся в голове мыслей просился наружу.

– Мы с дядей встретились, обсудили всё до мелочей и получилось не просто хорошо, а отлично. Рассказываю по порядку. – Майкл поправил на столе бумаги, нервно потёр ладони и продолжил на тон громче. – Во-первых, он всегда считал, что владеет настоящим Эдгаром Дега, завистники это отрицали, и его самолюбие страдало. Во-вторых, он совершенно без денег, и давно собирался продать эту картину, но чтобы вывести её с Кипра, нужно заплатить за страховку... и конечно же – официально декларировать её вывоз на таможне, что тоже требует средств. В-третьих, у него есть клиент, который без всяких формальностей купит эту картину при условии её доставки в Лондон. Я так подробно рассказываю всё это именно потому, что когда мне стало очевидно совпадение интересов, я предложил ему следующее...

Мужчина замолчал, было видно, что чувство собственной значимости подняло его высоко вверх.

– Вы поставили задачу дискредитировать Глеба Белова настолько сильно, чтобы у него не было возможности прилететь в Москву на ваш судебный процесс и выступить там свидетелем. Я решил, что самым правильным будет обвинение его в уголовном преступлении, предъявление ему подписки о невыезде с Кипра и может быть – даже последующий арест. А так как у моего дяди большой круг знакомых, то я предложил ему через киприотов найти выход на Белова,

позвать его в гости, а потом организовать кражу, обвинив в этом вашего визави. И тут мне повезло! Оказалось, что Глеб ищет себе небольшой дом и именно в деревне. Кипр... – Он поднялся и стал нервно ходить вдоль стола. – Место, где все друг друга знают, и мне без особого труда, через две цепочки знакомых, удалось выйти на его партнёра из ЮАР, – абсолютного наркомана, – и забросить для наживки историю о продаже дома моего дяди.

Нервное состояние адвоката передалось Сергею, и он начал ритмично покачивать ногой.

– Мы приглашали господина Белого в дом дважды. Нам удалось его сфотографировать, именно когда он разглядывал висящую на стене картину. И наконец, когда дядя поехал на встречу с адвокатами, – а садовника он отпустил заранее! – грабители выломали входную дверь и украли картину.

– Стоп! – остановил Сергей адвоката. – А сигнализацию в доме вы тоже специально не включали?

– А её просто нет! – Майкл сел обратно на стул, и улыбка удовольствия расплылась по его лицу.

– Допустим, вы всё сделали хорошо... – Сергей почувствовал в рассказе адвоката слабое место. – Но я слушаю и замечаю много нестыковок. Страховки нет, дом без сигнализации, хозяин уезжает на встречу и не принимает никаких мер к сохранности картины, – мог бы, например, её просто спрятать, а он даже садовника отпускает...

– Вы не знаете нашего кипрского менталитета, – не дал

ему договорить адвокат. – Самое важное в этом деле – связи и безусловная вера в то, что старого, доверчивого дедушку обворовали приехавшие на остров русские бандиты. Прошу вас дослушать меня до конца и вопросы, возникающие по ходу моего отчёта, отпадут сами собой. Когда мой дядя вернулся и увидел следы взлома входных дверей, он тут же позвонил в полицию. Я передал информацию журналистам и... – Майкл достал кипрскую газету и прочитал: – «Вчера на Кипре украдена картина Эдгара Дега стоимостью шесть миллионов евро». И, – адвокат улыбнулся, – в одночасье дядя стал самым известным коллекционером и владельцем великого шедевра. Его мечта сбылась. Газеты, телевидение уже два дня обсасывают эту новость, но никто не только не ставит под сомнение подлинность, но наоборот – кража шедевра такого масштаба взята под контроль министром внутренних дел Кипра. Создана бригада численностью пятьдесят человек. Арестованы все посредники и даже водитель такси, но... – Он сделал паузу и внимательно посмотрел на Сергея. – Господина Белова пока не нашли.

– И что же в этом хорошего? Он, наверное, уже выехал с Кипра! – Рассказ адвоката вдруг перестал ему нравиться.

– Да как же вы не понимаете! Это просто отлично! Глеба уже объявили в международный розыск Интерпола, его фотографии... – он передал Сергею следующую газету, – опубликованы во всех крупных печатных изданиях, включая российские. Журналисты вскрыли его домашнюю страничку в

Интернете, и теперь телевизионные комментаторы называют его «организатором кражи века». Мы загнали его в такой угол, в такую глубокую нору, что он не только на ваш судебный процесс, но и на улицу носа не высунет. А главное – чем больше он скрывается, тем увереннее полиция называет заказчика именно его.

Сергей вздохнул. «Да, – сказали его мысли, – это именно то, что я столько месяцев ждал».

– Но и это ещё не всё... Я подумал, что атаку на Глеба Белова нужно осуществлять по двум направлениям. И после организации дела с картиной мои люди нашли целых два, на мой взгляд, беспроектных дела о присвоении им крупных сумм денег. Нами подготовлены документы о финансовых претензиях, зарегистрированы и поданы в суд. Первый иск – на двести сорок тысяч евро. Мы в прошлом году переводили деньги ему на счёт, а он отправлял их дальше, и под все переводы были подложены контракты, подписанные им. Сейчас для нас это основание обратиться в суд с претензией на то, что договора не выполнены, а деньги получены. Второй иск о мошенничестве с крупным бриллиантом, купленным вами, положенным в банковскую ячейку и странным образом оттуда пропавшим.

– Что? – глаза Сергея вспыхнули гневом. – Как это?! Насколько я помню, ключ от ячейки был только у вас!

– Конечно, моя вина в этом деле тоже есть... Я не проверил договор с банком о хранении, а там оказался ещё один

человек, имеющий возможность открыть ячейку.

– Ничего не понимаю! – Мысль о том, что пока он сидит в тюрьме, его откровенно грабят и обманывают, резко подняла внутричерепное давление, и мужчина ощутил сухость во рту. – Я попросил вас положить мой бриллиант в банковскую ячейку. А теперь вы говорите, что его там нет и к этому причастен Белов?

– Я хочу напомнить, – адвокат перешёл в тональность извинения, – что бриллиант передал мне Белов. Я проверил подлинность, потом положил его в банк и не увидел в договоре на хранение, что старый владелец ячейки сохранил право ею пользоваться.

– И как же такое возможно? – резко перебил адвоката Сергей. – Я плачу вам большие деньги, а вы даже не проверяете, кто имеет право пользоваться ячейкой и кладете туда бриллиант стоимостью полмиллиона долларов, откуда он успешно исчезает! Фантастика! Мне в голову приходит совсем другая мысль. А что если это вы сами забрали из ячейки бриллиант, а теперь под шум разборок мутно ловите свою золотую рыбку?

– Ну тогда я бы не обращался в суд. И не затевал расследование этого вопроса, – адвокат посмотрел Сергею прямо в глаза. – Дайте время, и уверяю вас – истина будет установлена. Но мы снова уклонились от существа вопроса. Поэтому, с вашего позволения, я продолжу. В настоящее время господин Белов скрывается от полиции. Интерпол выписал

ордер на его арест, но никто не закрыл его банковские счета. — Адвокат достал еще один документ и протянул его Сергею. — А я добился блокировки всех его счетов на период судебных разбирательств. Всё, круг замкнулся, мы обложили его со всех сторон.

— Это, конечно, хорошо! Но куда делся мой бриллиант? Майкл, мне очень не нравится, что именно сейчас, когда меня передают в Россию, из банковской ячейки пропадает моя собственность. Мне не нравится, что недосмотрели вы, а отвечаю и расплачиваюсь — я. Поэтому возвращайтесь на Кипр и не только в суде разбирайте это дело, а идите в полицию и от моего имени подавайте заявление. Это понятно?

Дверь открылась, и на пороге появился полицейский. Резкая, колючая фраза, брошенная как лай овчарки, оборвала разговор и принесла адвокату облегчение. Простившись со своим подзащитным кивком головы, он очень быстро преодолел все коридоры тюрьмы и вышел на улицу, радуясь солнцу, своей необычайной гибкости ума и тонкости проведенной им игры. Пиво в небольшом баре рядом с отелем было правильно холодным, сосиски, завёрнутые в хрустящий бекон, издавали аромат счастья; деньги, уже полученные с клиента и перспектива дальнейшего заработка натолкнули его на мысль о белом «Ягуаре» с оливковой кожей, и он растаял от наступившего блаженства.

Глава 3

Глеб вернулся поздно. Отсутствие света в доме и мирное сопение Маруси в гостиной подсказали ему что она заснула ещё затемно. Ополовиненная бутылка виски, сыр, подсыхающий на разделочной доске, оливки в блюде и торчащий из тостера хлеб напомнили ему о том, что день прошёл в переговорах без перерыва на обед. Голод лёгким уколом в солнечное сплетение предложил проверить холодильник, кухонные шкафы и антресоли. Вскоре стол украсили консервы, галеты и лучший друг походников – плавленый сыр.

– Маруся, – тихо прошептал Глеб, вытаскивая из волос жены частички сухих водорослей, – ужин на столе.

Она открыла глаза, посмотрела по сторонам, подтянула его к себе и так же тихо произнесла:

– Скажи мне, что всё закончилось, и мы едем домой.

– Вставай, поговорим за ужином, а то я сейчас начну от голода покусывать твои плечи.

– А, да-да! – произнесла она бодрее. – Только не плечи, а шейку... вот тут... за ушком.

Глеб улыбнулся. Настроение жены нравилось ему. Было заметно, что отдых принёс ей успокоение.

Сев за стол, Маруся, чьи розовые щёчки, полученные счастьем глубокого сна, с наслаждением рассказывала о море, солнце, космонавтах, свернувших с заданных орбит только

для того, чтобы подглядывать за ней во время купания. Она говорила, сама себя перебивала, смеялась и ждала, когда голодная сущность мужа насытится и начнёт рассказывать о том, что ждёт их завтра.

Глеб наоборот – старался ещё немного насладиться светом идущего от жены счастья и поэтому жевал медленно, задавал вопросы так, чтобы она снова и снова дарила ему свою энергию. И вот, когда кончился виски, и пустые консервные банки полетели в мусорное ведро, а тарелки с вилками приступили к водным процедурам, он понял, что исчерпал лимит её терпения.

– Почётный консул, – начал он свой рассказ, – хорошо знает адвокатов, которых мы с тобой ждём. Оказалось, что к моменту моего приезда в Пафос они уже прилетели на Кипр и были приглашены на встречу. Более того, зная, что им предстоит меня защищать, они дорогой серьёзно проштудировали Интернет и сделали несколько звонков в полицию.

Их вывод... – Он замолчал, пауза дала ему возможность собраться с силами и он, понимая, что сейчас несколькими словами разрушит мир жены, произнёс: – Завтра утром мне нужно вместе с ними явиться в полицию, где меня по решению суда на восемь дней посадят в тюрьму.

Наступила тишина. Их взгляды встретились, руки медленно потянулись навстречу, слёзы наполнили глаза, горечь стёрла всё, что было до этой минуты. Они молчали, а мысли, отягощённые сожалением, текли в сознании и мучили уже

известным ответом. Время, являясь главным хозяином жизни и всех происходящих событий, забирало и выбрасывало секунды в вечность, неминуемо приближая расставание.

– Пойдём спать, – произнёс Глеб, поднимаясь из-за стола, – завтра будет очень долгий и трудный день.

Она встала, взяла его за руку, и они пошли на второй этаж, в спальню.

Море, устав за день, успокоилось. Ветер стих, и многочисленные цикады устроили соревнование в громкости. Комары, пробравшиеся днём в комнату, пищали в темноте, старательно подбираясь к свежей крови. Белая ящерица, геккон, сидела на потолке, ожидая кого-нибудь из кровососов в гости. Всё было как всегда, мир, составляя единое целое, был совершенно безразличен к частному.

– А помнишь, – Маруся, прижалась к Глебу, положив голову ему на грудь, – как здорово мы ездили в Карелию на машине? Как ловили на маленькую, мне даже тогда показалось – детскую удочку – полосатых рыбок. А потом нам приготовили из них уху и ты слопал почти всё кастрюлю...

Глеб закрыл глаза. Голос жены убаюкивал его.

– Кизи, Валаам – фантастические места силы человека. Я до сих пор не понимаю, как именно в таких суровых местах жили паломники, строились церкви и монахи бескорыстно, на одной вере, служили Богу. А люди! – какие удивительно простые и приветливые люди встречались нам во время путешествия... Давай, когда всё это закончится, снова поедem

в Петрозаводск, ты будешь рыбу ловить, я морошку собирать... Мы будем засыпать, обнявшись, а проснувшись – завтракать кофе и геркулесовой кашей. И никакие сволочи... – она крепко прижалась к нему, – не отнимут тебя у меня, не помешают нам жить спокойно и счастливо.

Вскоре Маруся заснула. Глеб аккуратно освободился от руки жены, вдохнул аромат моря, оставшийся в её волосах после купания, тихо поднялся и, взяв телефон, спустился на первый этаж.

– Николай Иванович, извини, дорогой, что поздно, – начал он говорить, набрав номер генерала, – но мне нужно рассказать тебе о своих завтрашних действиях. С адвокатами я встретился; мы решили, что нужно сдаваться и потом, когда они получат доступ к уголовному делу, будем дальше думать, откуда у этой истории ноги растут.

– Как же вы, бродяги, мне сегодня надоели! Совсем покой старому человеку не даёте! Час назад звонил твой Алексей, днём в офис ко мне приехал Михаил – все в недоумении и спрашивают, чем могут помочь, – голос генерала был бодр и даже весел. – А про твои переговоры с адвокатами я уже знаю. Дело получается громкое, разные люди начинают свою рыбку ловить. Так, секретарь Посольства России на Кипре, зачем-то сегодня дал интервью в местной газете, сказал, что ты приходил в этот дом дважды, что специально менял свою внешность, надевая голубые линзы и что хотел купить все картины, которые были в коллекции у киприота. А

самое главное – что это ты выманил хозяина из дома для переговоров.

– Эти версии я уже слышал от адвокатов. Думаю, нужно взять листочек бумаги, написать фамилии людей, которые упорно продвигают такое развитие событий, и понять, кто их объединяет. – Глеб налил себе холодного чая и сел в кресло.

– Знаешь, почему старые генералы плохо спят? Нет! Так я тебе скажу! Пока умники версии кидают, мы ответы находим. Сегодня целый день только и занимался, что чертил да примеривал. И вот, что хочу тебе сказать. Никаких сомнений нет, ты угодил в хорошо оплаченный капкан Михельсона. Через четыре дня австрийцы выдают его России. Вчера с ним встречался адвокат, он отлично тебе знаком. Это директор кипрских компаний, принадлежащих олигарху, и зовут его...

– Майкл! – выпалил Глеб

– Так точно, он самый. Но чего ты не знаешь, так это что хозяин картины и Майкл – родственники, и я легко начертил линию, как они могли договориться и состряпать против тебя дело. Дальше. Секретарь Посольства, который совсем не похож на осторожных МИДовских служащих, почти обвиняет тебя в организации преступления. Его жена, оказывается, работает в одной из компаний холдинга СКИФ, и приближена своим руководством к некоторым секретам. Так у меня на листочке появилась вторая линия. Третью и самую жирную я прочертил, когда узнал, что следователь Лу-

комский выписал тебе повестку на судебное заседание по делу о хищении денег Пенсионного Фонда Ленинградской области. Первое слушание назначено на пятницу следующей недели, ты – главный свидетель, и именно твоя информация о нелегальных транзакциях между банками холдинга и банками Словакии позволила обвинить олигарха. А ты, друг дорогой, завтра стройными рядами топаешь в тюрьму Кипра и неизвестно, как сильно против тебя будут играть люди Сергея Михельсона, но одно уже точно: на слушания в Россию ты не попадаешь, а это значит, что огромный доказательный слой отрежут и выбросят в мусорку.

– Ого, – тяжело выдохнул Глеб, – какая каша заваривается.

– А чего ты хочешь? Олигарх бьётся за свою свободу. У него была пятёрка, год он отсидел в следственном изоляторе ФСБ, потом вышел под подписку, бежал в Австрию и уже у австрийков – полтора года в тюрьме. Если сейчас в суде его вину не докажут и приплюсуют все его сроки, учтут плохое состояние здоровья, он через год будет на свободе.

– Иваныч, может, позвонить кому, помощи попросить? МИД подключить? – Глеб понимал, что союзников в этом деле у него немного.

– Ты что? Кто будет в уголовный запах вляпываться! Всё, что сейчас возможно, мы делаем: адвокатов наняли, лишнюю пену с газет собьём, набирайся терпения и иди в тюрьму.

– Да, нечего сказать – поддержал... Ладно, давай прощаться, теперь уже скоро не позвоню. Держи связь через адвокатов. Пока.

Он отключил телефон, посидел ещё несколько минут в раздумьях. Неожиданно возникшая аллегория об урагане и ивовом прутике, склонившемся под ветром, но выжившем, в отличие от могучего дуба, настроила его на день, который уже наступил.

Глава 4

Глеб заснул под утро. Всю ночь он крутился, ворочался и пытался сложить полученную из Москвы информацию в систему своего поведения на первом допросе. Периодически он лирически отвлекался, представлял, что где-то действительно есть рычаг, взявшись за который, Ньютон мог бы перевернуть мир. А это значит, что во все времена знания давали возможность изменить обстоятельства, повлиять на судьбу и даже будущее. Его воображение рисовало кнопку, запускающую особым образом механизм, позволяющий возвращать время назад и, соответственно, не заходить в этот злополучный дом и не смотреть на картину Дега. Однако логика, всегда выступающая оппонентом фантазиям, совершенно точно подсказывала, что расслабленность, с которой он жил последнее время, сделали его абсолютно доступным для любых провокаций. И поэтому ему нужно радоваться, что выстроенный против него алгоритм действий не сделал его причастным, например, к убийству или сбыту наркотиков. Конечно, такие утешения были совсем слабы, и больше походили на уговоры ребенка съесть манную кашу с комочками вместо вареного лука в супе, но всё-таки мысли о том, что врагами сделан первый ход, и теперь ответные действия за ним, согревали его уверенностью, что он обязательно найдёт выход из этой ситуации.

Маруся проснулась первой и была очень удивлена, увидев крепко спящего мужа. Не зная ничего о его ночных бдениях, она подумала, что это отличный знак, указывающий на спокойствие Глеба. Поднявшись, она пошла на кухню и тут же вспомнила, что вчерашний ужин Мамаем пронёсся по запасам хозяина дома. Однако поиски продуктов помогли обрести всё необходимое для завтрака. В холодильнике почему-то осталось именно два яйца, в банке – последняя ложка кофе, а в открытой пачке две ржаные галеты. Приняв это за особый знак благоприятности планет и провидения, она с удовольствием приступила к приготовлению завтрака.

Глеб появился за её спиной настолько незаметно, что она вздрогнула, когда он наклонился и поцеловал её в шею.

– Привет, дорогая, – произнёс он, усаживаясь за стол, – как спалось? Я под звуки моря видел потрясающие сны... правда, как всегда не помню – о чём.

– Это хорошо, – ответила она, улыбаясь, – значит, ты выспался.

Резкий стук в дверь в долю секунды извлёк из сознания тревогу и страх.

Мысль, что полиция нашла его, обожгла холодом, но открыв дверь, Глеб увидел на пороге Искандера.

– Я за тобой! – прошёл он внутрь дома, не здороваясь. – Жена пусть остаётся тут, а я отвезу тебя в Пафос к адвокату.

– Нет! – неожиданно резко выкрикнула Маруся. – Я сама отвезу своего мужа, и никаких других решений не будет.

– Хорошо, – после небольшого раздумья произнёс гость, – тогда пошли к морю, у меня есть к тебе разговор.

Глеб наспех запихнул в рот половинку яйца под майонезом, сделал глоток чая, поймал злую гримасу жены и пошёл за Искандером к выходу.

– Слушай, – начал депутат, как только они подошли к линии прибоя, – мне стало известно, что австрийцы выдают России твоего бывшего шефа, Сергея Михельсона. Ты работал у него, поэтому точно знаешь, чем он владеет. У меня есть отличное предложение. Ему сейчас светит новый суд и новый срок, а у меня есть возможность, если он всё перепишет на меня, сделать так, чтобы он был на свободе через полгода.

– То есть, – Глеб напряжённо улыбнулся, – если я правильно тебя понял, доказанные эпизоды из нового уголовного дела олигарха могут исчезнуть взамен на принадлежащую ему недвижимость.

– Всё зависит от количества. Я знаю, у него есть дом на Кипре, земельный участок под строительство коттеджей, дом в Австрии и обалденно жирный счет в словацком банке. Поможешь всё это забрать, станешь моим бизнес-партнёром...

Глеб слушал этого человека, смотрел в его глаза и понимал, как неравномерно Бог разделил между людьми совесть. Те, кто ловит, не могут взять битую и треснуть вора по башке, боясь наказания закона и Бога, а те, кого ловят, не боятся

ничего. Невероятно трудно бороться со злом, когда совесть и порядочность установила тебе рамки, переход за которые тут же делает тебя таким же, как они.

– А ты понимаешь, – произнёс Глеб, – что если я вам отдам такую информацию, и вы с ней придёте к Михельсону, то у меня могут быть проблемы. И потом, что-то я сомневаюсь, чтобы у тебя и твоих друзей хватило власти до суда развалить дело о Пенсионном Фонде.

Искандер громко рассеялся.

– Ладно, ты иди, подумай над моим предложением. Согласишься – и тут поможем, и в Москве защитим. Я могу любое уголовное дело в Москве открыть и закрыть... ты помни это, когда будешь папу навещать... и жена у тебя красавица – пока ты в камере, за них и заступиться-то некому.

Глеб промолчал. Его кулак на мгновение сжался, превратившись в кувалду, но снова пришедшая притча о согнутом ивовом прутике погасила всплеск адреналина. Его опыт и жизнь говорили, что там, где он не дотягивался руками, со временем голова помогала получить желаемый результат. И поэтому, – решил он для себя, – когда выйдет из тюрьмы, то обязательно выяснит, кого имел в виду депутат, намекая, что может развалить уголовное дело.

Развернувшись, не сказав «до свидания», он быстрым шагом пошёл к дому. Маруся, понимая, что пора уезжать, собрала вещи и ждала его в машине. Секунды, которые их разделяли, сами по себе ничего не значили, но конкретно эти

приближали их друг к другу и поэтому были очень быстры.

Сев за руль автомобиля, Глеб посмотрел на жену пытаюсь найти в выражении её лица волнение, но в ответ увидел желание скорее покинуть это место.

– Скажи, – начала она говорить, как только они поехали, – а почему ты вчера рассказал мне этот странный рассказ? Почему именно сейчас?

– Не знаю, – задумчиво произнёс Глеб, – наверное, хотел сказать тебе, что никакие испытания не должны разрушать отношений. Мне показалось, что в этом рассказе есть сила любви, такая нужная нам сейчас. Через час мы расстанемся, ты вернёшься в пустой дом, и сумерки принесут тебе страх, жалость и сожаление... – гони их всех к чёртовой матери! Выйди на балкон и громко скажи всем бедам и напастям, что им с нами не справиться.

– Как это – выйти на балкон?

– Дождись звёзд на небе, найди самую яркую звезду Ригель, в созвездии Орион, она немного ниже пояса, и крикни ей: «Я люблю своего мужа и хочу, чтобы у него всё было хорошо!»

– Да ты издеваешься надо мной? – Маруся засмеялась. – И вообще, хватит умничать. Ты прекрасно знаешь, что кроме большой медведицы я на небе ничего не найду.

– А это и не нужно. Небу важнее услышать тебя; а услышав, оно само доставит твоё послание.

Она поцеловала его в небритую щёку и, положив голову

на плечо, остаток дороги молчала, представляя, как далеко придётся лететь её просьбе до звезды.

Тюрьма

Глава 1

Прощание с женой было тяжёлым. Он снимал губами её слёзы, обнимал, нервно мял пальцы, шептал «пора», стоял и не хотел никуда уходить. Полицейские, привыкшие к подобным эпизодам, спокойно обыскивали его машину, заполняли документы о добровольной явке в участок, даря им возможность ещё немного побыть вместе.

– Всё, всё, всё, – шептала она ему на ухо, – я не плачу, не плачу, ни чуточки, прямо как ты хотел, всё будет хорошо, и... – Адвокат взял Глеба за руку. – И я буду обязательно кричать звезде! – сказала она громче, смотря вслед уходящему в дверной проём мужу.

Войдя внутрь помещения, Глеб тут же был усажен на стул, ему на руки одели наручники.

«Зачем?» – мелькнула мысль. Он услышал, что этот же вопрос задал адвокат, переходя на греческий язык.

«Куда я убегу, – продолжил он говорить сам с собой. – Киприоты – странные и забавные люди. Говорят, говорят, постоянно хотят показать друг другу своё боевое оперение. Голос повышают, руками машут, глазами выражают больше, чем могут произнести. А на деле – хорошие, простые и со-

всем не подготовленные люди. Сейчас в комнате – трое полицейских, один рядом со мной, второй за спиной, третий у окна. Я стою у самого выхода из комнаты. Ключ от наручников у того, что рядом, на ремне у него пистолет, газовый баллончик и рация. Но именно ему больше всех нужно. Стоит, ругается с моим адвокатом и совсем не смотрит на меня. Сейчас делаю небольшое вращение туловища вправо, потом раскручиваюсь обратно в левую сторону и – локтем в нос. Спираль, распрямляясь, даёт энергию удару, полицейский отключается и падает как подкошенный. Остальные от страха и непонимания ситуации замирают, что даёт мне три-четыре секунды для того чтобы спокойно взять ключ от наручников и пистолет...»

– Глеб, – услышал он голос адвоката, – вас перевозят в тюрьму Лимассола, и там же будет первый допрос. Я на нём присутствовать не могу. Поэтому на все вопросы отвечайте «нет». Или говорите, что дадите пояснения только в присутствии адвоката. Вы понимаете? – он слегка качнул плечо Глеба, возвращая его из мира «боевых искусств» на Землю.

Глеб кивнул молча, вышел на улицу и вскоре, следуя за полицейским, сел на заднее сидение выдавшего вида «Опель-астра» серого цвета. Выезжая из полицейского участка, он тянул и крутил шею в разные стороны, пытаясь ещё хотя бы раз увидеть свою машину и жену, но судьба уже решила эту ситуацию по-своему, отправив их в Лимассол разными дорогами.

Маруся ехала с камнем. Огромным, холодным камнем, придавившим её мысли и состояние настолько сильно, что слёзы текли сами, а нервы, спрятавшись от беды, дрожали сожалением и отсутствием веры в хорошее. Она боялась. В голову лезли мысли, одна страшнее другой. Преступники ночью, пока она спит, обязательно подбросят ей в дом картину или спрячут её где-нибудь в саду. Воображение рисовало здоровых мужиков, окружающих дом со всех сторон, лай её маленькой собаки, острые лучи фонарей, рыскающие по окнам, и беспомощный мобильный телефон, не имеющий в памяти экстренного вызова полиции.

Дорога летела, мелькая километровыми столбами, сопки, подпалённые локальными пожарами, сменились равнинами, а потом и мостами. Лимассол, – город, в котором она жила уже два года, – пролетел за окном без привычного разглядывания домов, витрин и реклам. Подъехав к дому, неожиданно для себя прямо на крыльце она увидела соседей.

– Боже, – выкрикнула она, выходя из машины, – вы не представляете, как я рада вас видеть! Как здорово! – сказала она вслух, и тут же услышала от своих мыслей фразу о неудержимом желании поделиться происходящим именно с ними.

– Мариночка, – кинулась она обнимать и целовать женщину, – как я боялась заходить в дом одна! Вы не представляете, что с нами происходит!

– Представляем, – спокойно ответил Семён, отвечая на приветствие Маруси, – мы с женой уже два дня ваш дом караулим. Ночами видим, как на той стороне улицы полицейская машина дежурит. Смешные такие! Сидят в засаде, ждут вашего приезда, а сами свет в кабине включают, постоянно чего-то едят и очень громко разговаривают. А вчера после обеда они позвали нас понятыми и, вскрыв вместе с «мухтаром» ваш дом, три часа производили обыск.

– Как это! Без нас! – открывая дверь дома, возмущённо произнесла Маруся.

Пройдя в гостиную, она тут же увидела на столе какие-то документы, ящики комодов были выдвинуты, картины сняты и поставлены на диван. Поднявшись на второй этаж, она сначала заглянула в спальню. Украшения из большой шка-тулки были высыпаны на покрывало кровати, двери шкафов открыты, на полу валялись крышки от коробок из-под обуви, дамские сумки, журналы и книги из прикроватных тумбочек. Ужас медленно заполнял её сосуды, заставляя сердце стучать молотом по дрожащей от страха душе.

Гостевая спальня была разорена меньше. Запасные подушки и одеяла, сложенные раньше в пластиковые сумки, лежали в углу, а верхняя одежда с вывернутыми карманами хотя и висела на вешалках, но совсем не в той последовательности, которую она бережно создавала сама.

Войдя в кабинет мужа, она тут же села на диван. Увиденное отобрало последние силы, сделав ноги ватными. Рабочий

стол Глеба стоял, как на витрине мебельного магазина, сверкая лаком — он показывал рисунок дерева, который она никогда не замечала из-за стоящих на нем раньше компьютера, принтера и папок с документами. Индийский шкаф, хранивший большое количество минералов и безделушек, привезённых Глебом из разных стран, был открыт, и голые полки с размазанной пылью определённо говорили, что содержимое исчезло.

— Да, — произнёс Семен, проходя в кабинет, — тут они провели больше всего времени. Рылись и потом забрали все бумаги, унесли технику, видеокассеты и диски, флешки, винчестеры, даже... — он показал рукой на стену, — зачем-то взяли фотографии детей и внуков.

Маруся молчала, смотрела по сторонам и не могла поверить в происходящее. На мгновение она закрыла глаза, представляя, что сейчас всё исчезнет само собой, и страшное наваждение — это всего лишь игра её испуганного воображения; но открыв глаза, она поняла, что всё уже случилось, и теперь с этим нужно жить и как-то противостоять.

— Думаю, — продолжил Семён, — что для вас самым плохим будет изъятие камней из шкафа Глеба. Я слышал, о чём они говорили, и видел, как светились радостью их глаза, когда они нашли мешок зеленых кристаллов, потом в каменных чашах были огранённые жёлтые, фиолетовые, белые и голубые камни. А когда они нашли ромбические кристаллы, то бегали минут двадцать, как ошпаренные. Звонили, кри-

чали и все, кто участвовал в обыске, приходили на них посмотреть.

– Вот, – он протянул Марусе бумаги, – это протоколы изъятия, они оставили их в гостиной. Тут написано, что у вас нашли изумруды, полудрагоценные камни ювелирной огранки и кристаллы настоящих алмазов. Я так понимаю, они ещё хотят обвинить Глеба в незаконном хранении драгоценных камней.

Глаза Маруси наполнялись слезами. Беда окружала со всех сторон, отбирая последние силы, сбереженные для борьбы. Она встала с дивана, положила на стол документы и пошла в спальню; неожиданно сильный сон прямо в одежде уложил её на кровать и накрыл одеялом.

Глеб сидел один на заднем сиденье автомобиля, рассматривал свои наручники, считал звенья, их соединяющие, зубчики до замка, изучал сильно оцарапанное отверстие под ключ и думал о допросе. Теперь это было самым важным. Понимание того, что через несколько минут начнётся своеобразная игра интеллектов, заключённая в словах, провокациях и обвинениях, заставляла его собраться, вспомнить все детали встреч с хозяином картины. Он настраивался на некое соревнование, понимая, что ему будут задаваться сложные вопросы, ответы на которые нужно будет находить мгновенно. Ему казалось, что данный вид общения с полицейскими должен походить на стрельбу по тарелочкам. Тра-

ектория неизвестна, скорость неизвестна, а попасть нужно – соединив палец на спусковом крючке с мгновенной, анализирующий все аспекты, интуицией.

Неожиданно вибрация во внутреннем кармане ветровки нарушила все его мысли, заставив достать телефон и посмотреть на адресата.

– Папа, – услышал он голос дочери, нажав на соединение, – куда пропал? Я уже третий день не могу до тебя дозвониться. Интернет, газеты пишут, что тебя разыскивает Интерпол, что ты совершил преступление, организовав кражу дорогой картины.

– Шурка, – еле слышно произнёс Глеб, посмотрев на своих конвоиров, – как здорово, что ты позвонила.

– Мы с мамой ничего не понимаем! Телефон твой молчит, я уже стала думать – а вдруг тебя убили? К нам вчера приходила полиция, спрашивали, где тебя искать, чем ты занимаешься и сколько у тебя денег.

– Дочурка, что ты столько вопросов задаёшь. Я жив, здоров, сейчас меня везут в тюрьму, я сегодня добровольно сдался. Лучше расскажи, как живешь, как там мои внуки проживают? – Разговор приносил ему успокоение, голос его любимой девочки придал ему уверенности в том, что семья, дети волнуются и очень хотят поддержать его и помочь.

– У нас всё хорошо. Мама сняла большую яхту, позвала своих друзей и мы катаемся. Ты, наверное, забыл – у неё сегодня день рождения, и у нас очень большая программа...

Она говорила, смеялась, отвлекалась на чьи-то вопросы, снова продолжала рассказывать о празднике и подарках для мамы, а настроение Глеба, так сильно вспорхнувшее, когда он услышал голос дочери, менялось.

– Подожди, – перебил он её, – ты приедешь ко мне в тюрьму? Очень хочу тебя увидеть.

– Даже не знаю, – ответила она так быстро, как будто ждала этого вопроса. – Мы сейчас плывём на другой конец острова. Завтра и послезавтра – живем в отличном пятизвёздочном отеле, потом возвращаемся на яхте в Лимассол. Представляешь, какая у нас насыщенная программа!

– Рад за тебя, – произнёс он, отключая телефон. Ужасная параллель, пролетевшая через года, пронзила его схожестью слов и интонаций. Глеб откинулся на спинку сиденья и вспомнил, как двенадцать лет назад его арестовали в Намибии. Как полицейские побоялись обыскивать его, и поэтому он оказался в камере с телефоном. Как набрал он номер жены, стараясь рассказать о своём трудном положении, и как услышал в ответ – безразличие.

Он улыбнулся. Надежда, что, может быть, дочь не совсем поняла его слова о тюрьме мелькнула лучиком, разгоняющим плохие мысли и осталась, как ниточка спасения, за которую Глеб, схватившись двумя руками, потянул, уговаривая себя, что она обязательно к нему придёт.

Машина остановилась во внутреннем дворе тюрьмы. Глеб очнулся от своих воспоминаний, вышел из автомобиля, при-

шурившись, посмотрел на яркое солнце, почувствовал его тепло на лице и пошел следом за полицейскими.

Пять минут хождения по коридорам и лестницам привели его к двери на третьем этаже. У входа в комнату толпились люди; было видно, что все они собрались тут именно для того, чтобы посмотреть на русского, совершившего самую громкую кражу за всё время их работы в полиции.

Глеб вошёл внутрь помещения, сел на указанный ему стул и стал с любопытством рассматривать интерьер. Через несколько секунд он демонстративно улыбнулся, давая собравшимся понять, что ему очень нравятся десятки спортивных кубков в старом шкафу, фотографии футбольных команд разных лет, грязные чашки из-под кофе и пустые стаканы на подносе.

– Ну что ж, приступим, – неожиданно для него произнесла женщина, сидящая за столом. – Я – Елена Михаэль, следователь отдела квартирных краж, веду расследование преступления, совершённого по адресу: улица Микон, дом номер один, в деревне Апеша.

По данным, которыми мы располагаем, вы дважды посещали дом по этому адресу и интересовались коллекцией картин господина Мариоса. А в день вашей встречи у адвоката грабители сломали двери дома и похитили самую ценную картину из коллекции – полотно французского живописца Эдгара Дега, стоимостью шесть миллионов евро. А так, как мистер Мариос покинул дом для встречи с вами, и именно

вы хотели купить эту картину, следствие выдвигает вам обвинение в организации этого преступления. Прошу вас, – она протянула Глебу лист с печатаным текстом, – ответить на вопросы в последовательности, указанной в этом документе.

Это был подарок, удача, на которую он никак не мог рассчитывать. Ему давали в руки вопросы, прочитав которые, можно было продумать ответы, связать их в единую линию защиты, понимая, что никаких неожиданностей не будет. Он читал, смотрел на людей, собравшихся в комнате, понимал, что они тоже визуально изучают его и выстраивал линию своего поведения.

– Значит, так, – после небольшой паузы, начал говорить Глеб, – перед тем, как начать отвечать, я хочу сделать заявление. Вы сказали, что следствие выдвигает мне обвинение в организации кражи картины. И я так понимаю, это обвинение опирается на факт моего приезда в дом Мариоса и беседу у адвоката. Но на всех встречах присутствовал водитель такси, который забирал меня от отеля и привозил обратно, он же привозил меня и к адвокатам. Мой партнер по бизнесу, южноафриканец, занимался организацией встреч и лучше меня знал, когда дом с коллекцией останется без присмотра, секретарь хозяина дома, молодой тридцатилетний парень, тоже присутствовал на всех наших переговорах. Поэтому я считаю, что у вас нет оснований именно меня считать организатором кражи.

– Все арестованы и уже находятся в тюрьме, – прервала

его женщина-следователь, – вы, похоже, не очень понимаете серьёзность своего положения. Работает очень большая, специально созданная группа. Мы сняли отпечатки пальцев в доме, запросили распечатки телефонных звонков всех фигурантов этого дела, нашли свидетеля, который видел, как фургон с лестницей в кузове подъезжал... – Она говорила, и это было то, чего хотел Глеб. Елена Михаэль, гордая своей значимостью как руководителя группы с особыми полномочиями, сидела напротив него, уверенно смотрела и рассказывала то, чего ему так не хватало для построения защиты. Когда она закончила свою речь, в её руках уже был карандаш, настойчиво стучащий по столу, глаза горели справедливым гневом, выражая уверенность и превосходство. Офицеры, присутствующие в комнате, молчали, разделяя боевое настроение своего начальника.

– Замечательно, – произнёс Глеб, стараясь под тяжестью взгляда следователя не проявлять иронии, – я уверен, что вы разберётесь в этом деле и сами убедитесь в несостоятельности обвинений, выстроенных против меня. Сегодня отвечать на вопросы я не буду. Во-первых, тут нет моего адвоката, во-вторых, мне нужно с ним посоветоваться, прежде чем отвечать на вопросы, указанные в списке, и в-третьих, пожалуйста, снимите с меня наручники, они очень плотно застёгнуты и давят на запястья.

Тишина, повисшая в воздухе, выражала на лицах полицейских недоумение и разочарование; было очевидно: они

все хотели бурного допроса, быстрого раскрытия и радости от своей работы.

– Зачем вам адвокат, – уже более спокойным тоном произнесла следователь, – для ответов о семье, работе и месте проживания? Давайте договоримся: вы сейчас отвечаете на те вопросы, которые не требуют консультации с адвокатом.

Глеб понял: спокойствие восстановлено, росточки доверия появились и, чтобы их не «затоптать», нужно начать говорить.

– Я вместе со своей семьёй приехал на Кипр двадцать лет назад. Сын Савва закончил здесь школу, институт и сейчас работает в другой стране; дочь Александра замужем, родила двух сыновей, живет на острове. Жена восемь лет назад развелась со мной, и три последних года я нахожусь в новом браке. У меня две компании: одна в России, – она занимается разведкой калийных солей, вторая тут, – покупка и продажа алмазов. Дом на Кипре я арендую, он находится в шести километрах от Лимассола.

– Скажите, а зачем вы в первый раз поехали в дом мистера Мариоса и какой эксперт по картинам был вместе с вами?

Глеб улыбнулся:

– То есть, вы всё-таки хотите начать разговор без адвоката?

– Да, – уверенно произнесла следователь, – и поверьте, лично для меня это знак того, что вы не будете прятаться за адвоката, а значит, действительно не виноваты.

«О как! – подумал Глеб. – Ради желания скорее получить от меня информацию и красное словцо о невинности прозвучало».

– Хорошо, тогда принесите, пожалуйста, стакан воды и всё-таки снимите наручники.

Через несколько минут вода, салфетка, блюдо с двумя печеньями стояли на столе, наручники повисли на поясе конвоира, любопытные из коридора нашли себе стулья, следовательно достала протокольные формы и приготовилась записывать.

– Мы с женой не имеем дома на Кипре, – начал свой рассказ Глеб, – и поэтому приняли решение о покупке своего имущества. Нам не нравится жить в городе, поэтому ещё полгода назад я обратился в одну компанию, – все телефоны и контакты у меня в компьютере, – с просьбой подыскать нам дом в деревне. С этой целью, – и это очень легко проверить, – мы посмотрели несколько вариантов, которые, к сожалению, нам не понравились. Поэтому, чтобы ускорить процесс, я обратился к своим друзьям и знакомым с просьбой помочь найти подходящий дом. Приблизительно месяц назад мне позвонил мой партнёр, южноафриканец, и сказал, что нашёл для меня хороший вариант.

– Я хочу уточнить, – остановила его следователь, – вы имеете в виду Стива Олдрич? Если да, то поясните, какие у вас отношения, чем он занимается и почему вы называете его партнёром.

– Да, я имею в виду Стива, он работает у меня в компании на Кипре, занимается связями с алмазными биржами в Израиле и ЮАР. У нас многолетние отношения, он вхож в мою семью и поэтому часто является гостем на различных торжествах...

Глеб говорил и одновременно слушал себя со стороны. Казённость и лаконичность его ответов нравилась присутствующим, он ловил это в выражениях их глаз и незначительных жестах, подчёркивающих удовлетворение.

– Стив договорился с хозяином дома о дате и времени моего приезда, и если вы получите распечатки с моего мобильного телефона, то увидите, что я никогда не звонил мистеру Мариосу, и никогда сам не назначал никаких встреч. Что же касается эксперта по картинам, который якобы был вместе со мной на встрече, так это из разряда курьёзов.

У меня сохранились отношения со школьным другом. И я, решив сделать ему приятное, пригласил его пожить у меня дома. Мы катались по острову, купались в море, ходили по тавернам – то есть всегда были вместе. И поэтому, когда наступило время поехать посмотреть дом, я взял его с собой.

– Но, – перебила его следователь, – почему тогда он ходил по дому с листочком бумаги и записывал названия картин?

– Это произошло как раз таки по просьбе самого хозяина. Когда мы приехали и нас стали угощать чаем, мистер Мариос заявил, что продаёт дом вместе с коллекцией своих картин и хочет, чтобы мы записали для себя наиболее ценные экс-

понаты.

– Вы не находите это странным? – снова перебила его следователь. – Если вас интересует дом, зачем делать для себя каталог картин?

– Ну каталоги ручкой на листочках не делаются, а тем более, как заявляет хозяин, очень ценных картин. Просто когда я высказал именно такое же предложение, как и вы, сказав, что меня интересует только дом, мистер Мариос сделал мне выгодное предложение. Он попросил помочь продать его коллекцию в Москве, и если я найду покупателя, то стоимость дома будет снижена вдвое. Поэтому я попросил своего товарища записать названия наиболее ценных картин и мы договорились, что в случае появления покупательского интереса мистер Мариос сделает настоящий каталог.

– Вы можете назвать фамилию вашего товарища, адрес проживания и род деятельности? В случае необходимости наши коллеги из Интерпола допросят его.

– Попов Виктор Владимирович, проживает в Подмоскowie, точный адрес не помню, но могу дать его телефон. Работает охранником, отношения к бизнесу и картинам не имеет.

– Хорошо, – отрываясь от записи в протоколе, задумчиво произнесла следователь, – и тогда ещё один вопрос о Стиве... Почему вы переводили ему на счет крупные суммы денег? – она достала несколько листочков и протянула их Глебу.

– Откуда это у вас? – удивлённо произнёс мужчина, про-

бегая глазами по знакомым документам.

– Мы обыскали ваш дом. Изъяли печати компаний, уставные документы, договора, большое количество драгоценных камней, компьютер, часы и украшения.

– А как это возможно? – Глеб представил, какое потрясение испытала жена, вернувшись в дом после обыска. – Почему в моё отсутствие, без адвоката, разве это не является нарушением моих прав?

– Отвечайте на вопрос: за что или за какую работу вы перевели на личные счета Стива более четырёхсот тысяч долларов? Не являлись ли эти деньги оплатой за организацию кражи картины?

«О, снова в голосе следователя нотки хозяина положения, и снова проводится линия о моём участии в преступлении», – отметил Глеб.

– Станный вопрос! Вы же смотрели платежки, тут черным по белому написано, что все переводы сделаны за бриллиант весом 8.88 карат. А если вы рылись в моих документах, то наверняка нашли договор с банком о аренде ячейки, в которой этот камень хранится. Хотите проверить – я готов с вашими людьми проехать в банк и показать бриллиант.

– Нет, о камнях с вами будет разговаривать следователь таможенного комитета, у них к вам очень много вопросов... в том числе – и о найденных у вас крупных алмазах общим весом четыреста двадцать карат.

Глаза Глеба раскрылись от удивления настолько сильно,

что лобные морщины стали вдвое глубже. Алмазы у него дома, да ещё в таком количестве были либо шуткой, либо провокацией.

– Мы, – продолжила следователь, – проверили балансы на всех ваших счетах в банках, там явно не достаточно средств для покупки дома. Вы можете сейчас сказать, на какие средства вы планировали совершить покупку?

«Хороший вопрос, – подумал Глеб, – и главное – протокольный. Скажи сейчас правду – и объясняйся потом с налоговыми службами».

– Во-первых, у меня есть бриллиант, и я купил его именно для того, чтобы перепродать.

Во-вторых, у меня в России есть в собственности земля, двести двадцать гектар, и я выставил её на продажу, и в-третьих, вы проверяли счета на Кипре, и совсем выпустили из вида счета в России. И в заключение, у меня есть кипрский паспорт и хорошая банковская история, что дает мне право на получение кредита при покупке недвижимости.

«Не получается, не складывается у них, – крутились мысли в голове Глеба, – не нравятся мои ответы, на лицах написано, что сегодня рапортовать своему начальству нечего, и что пузырь, который они надули, называется мыльным».

– Скажите, а почему вы с женой поспешно покинули свой дом и уехали на три дня в неизвестном направлении? Объясните, почему ваш телефон был отключен и мы не могли до вас дозвониться? Люди, которым не от чего скрываться, не

совершают подобных действий.

«Ну, это легко!» – сказал сам себе Глеб, понимая, что сегодня ему удалось разрушить уверенность следователя в его причастности к краже.

– То есть этим вопросом вы хотите сказать, что мы пытались скрыться от полиции? У вас очень странные представления о жизни людей! Посмотрел два раза дом – значит, виновен в пропаже картины; не нашли дома и не дозвонились – скрываются от правосудия. А на самом деле всё очень просто. Три дня назад мы с женой утром поднялись и решили, что неплохо позавтракать в отеле Amathus, – видеокамеры легко это подтвердят. Лежание у бассейна не похоже на бегство от полиции, правда?.. Потом мы поехали встречать наших друзей из Минска и, конечно же, хорошо выпили. Друг, понимая, что пьяным за руль садиться не нужно, любезно предложил мне ключ от городской квартиры, где мы и переночевали. Утром следующего дня, а это была суббота, позвонил приятель из Ларнаки. Как человек восточный, он гостеприимно предоставил свой дом на берегу моря, где мы с удовольствием прожили ещё два дня. Что же касается телефона – так как это место удалено от города, связь в доме очень неустойчива, что при необходимости вы можете легко проверить. В понедельник я случайно в Интернете увидел сообщение о краже картины, позвонил своему адвокату и он уговорил меня прийти в полицию, не теряя времени.

Тишина, возникшая после того, как Глеб перестал гово-

ритель, родила ещё одного полицейского и совершенно лишила следователя желания задавать вопросы.

Глава 2

После допроса на Глеба снова одели наручники, и конвоир попросил следовать за ним. Шагая по коридорам, мужчина достаточно быстро понял, что его ведут той же дорогой, а значит – говорила ему логика – опять куда-то повезут. И действительно, через несколько минут он снова был посажен в «Опель-астра», но как только они поехали, телефон, так и не изъятый у него, дал знать о себе настойчивой вибрацией.

– Всё подтвердилось, – услышал он голос генерала, – адвокаты строят защиту Михельсона исходя из того, что тебя на судебном заседании не будет. Поэтому пока они победили, олигарх получит маленький срок. Но это еще не все проблемы... в марине Бейрута сейчас стоит яхта. Владелец – какой-то белорусский бизнесмен. У нас есть сведения, что он должен привезти на Кипр сто пятьдесят миллионов Венесуэльских боливаров, и мне позарез нужно вычислить, кто это таскает деньги контрабандой и куда они дальше пойдут.

– Подключи Михаила и Алексея. Пусть они вылетают в Ливан, а я придумаю, как мне оставаться с вами на связи. – Глеб посмотрел на водителя автомобиля и конвоира – его телефонный разговор не раздражал полицейских. – Слушай, Иванович, у меня в гостях был школьный друг, Виктор Попов... человек он простой, фермер, не хочу, чтобы у него были неприятности из-за меня. У тебя же есть знакомые в

Интерполе – пусть пока идет разбирательство на Кипре, они его не дёргают допросами...

Телефон щёлкнул и потух, батарейка как обычно умерла в самый неподходящий момент.

Убрав мобильный в карман, Глеб стал рассматривать город, в котором он жил уже так давно.

«Вот, – сказали его мысли, – улица, по которой я водил детей в русскую школу. А за углом – дом, в котором мы жили первые два года. Кажется, это было так давно... и в то же время – совсем недавно». Его воображение нарисовало знойный июльский день, открытое окно на втором этаже и приятную истому, разморившую его после сытного обеда в гостиной. Тёплый ветер шевелил складки штор, воробьи чирикали вполголоса, вокруг лампочки летали мухи, сон закрывал глаза, собираясь показать красивую сказку. Как вдруг неожиданно, словно с неба, на его грудь упал небольшой камушек. Глеб открыл глаза, посмотрел на потолок, по сторонам, и только собрался продолжить дорогу в страну сладких грёз, как ещё один камушек попал ему в руку. Сон, такой желанный и красивый, пропал, не оставив даже воспоминания. Он поднялся и стал внимательно смотреть по сторонам; и заметил, как в открытое окно влетает третий камушек, попадая в то место, где он только что лежал. Пуля летела медленнее, чем раздетый по пояс Глеб мчался по лестнице вниз. Выбежав на улицу, он тут же всеми своими сто килограммами веса схватил двух онемевших от страха подростков.

– Вы что это делаете! – кричал он громче иерихонской трубы, одновременно сдавливая клещами своих пальцев костлявые плечи мальчишек. – Зачем камни в окно бросаете?

– Мы... я... – пронзённый страхом, попробовал произнести несколько букв один из подростков.

– Шурка... – наконец-то выдавил он из себя слово и обмяк.

– Так, – начиная понимать, что происходит, меняя тон и силу своего захвата, сказал Глеб, – вы что, Александру таким странным образом зовёте?

«Да!» – дружно кивнули их стриженные полубоксом головы.

– Ну вы паршивцы! – Глеб улыбнулся. – Она с другой стороны дома, у бассейна, вместе с братом купается. Дуйте туда и камни больше не бросайте, у нас звонок работает.

Мальчики, убедившись, что их не будут разрывать на сотни маленьких медвежат, выпрямили плечи и быстро скрылись за углом дома.

«Да, – сказали его мысли, – столько лет прошло... время летит быстрее нас, и когда-нибудь эпизод с картиной будет только воспоминанием».

– Выходите! – Услышал он голос конвоира. – Приехали.

Здание центрального полицейского участка было ему очень хорошо знакомо. Перекрёсток, на котором оно нахо-

дилось, он проезжал как минимум один раз в день, возвращаясь домой из города.

Пройдя внутрь двухэтажного строения, Глеб был передан под роспись улыбчивому, сидящему на висках полицейскому с цифрой «33» на погонах. Наручники, шнурки на кроссовках, ремень, часы и телефон очень быстро были отправлены в ящик письменного стола, на котором стояла рация одного возраста с полицейским.

Пройдя в камеру, он обрадовался. Небольшое помещение три на три метра имело два бетонных лежака, металлический стол, окно с мощной решёткой, дверь, за которой был туалет, и полное отсутствие следов пребывания другого человека. Получив тонкий ватный матрас и подушку пятнистого вида, комплект белья и бутылку воды, он с удовольствием отметил, что в таких условиях можно ждать освобождения.

Возможность находить хорошее в плохом, сформировавшаяся годами, подтолкнула его к мысли о влажной уборке своего персонального номера, и вскоре «тридцать третий» принёс ему ведро, тряпки, порошок «Cif» и в виде бонуса – сэндвич с листьями салата и сыром.

Стены, исписанные на греческом языке, хранили несколько ругательств, картинок сексуальной наклонности, и поэтому, смочив тряпку и не жалея порошка, Глеб начал именно с них. Угол, где находилась его подушка, был отдраен до излишней матовости и частичной потери краски. Сигаретный пепел, оставленный поколениями сидевших курильщи-

ков, скопившийся между решёткой и окном, требовал скребка, но настойчивость и избыток времени делали своё дело.

Перейдя к полу, он с удивлением отметил, что коричневая плитка положена хорошо, швы ровные и пропорциональные, а плинтуса, выполненные из обрезков этой же плитки, в некоторых местах «дышат», и при определённых усилиях их можно будет оторвать.

Через несколько часов и четырёх смен воды в ведре он почувствовал усталость. Сэндвич, любезно подаренный полицейским, лежал на столе и предательски настаивал на том, что работу пора заканчивать. Глеб вымыл руки, заправил лежак, и только хотел с наслаждением перейти к еде, как дверь его камеры отворилась, и «тридцать третий» жестом позвал его на выход.

Полицейский участок оказался очень маленьким. Выйдя из камеры, Глеб сразу оказался в коридоре, из которого одна дверь вела в комнату для допросов, вторая – в дежурную часть, а третья – на лестницу между этажами.

– Стой! – Услышал он команду. – К тебе пришли адвокат и жена. Напоминаю: ты ничего, ни листочка, ни записки какой не должен передавать без моей проверки.

Открыв дверь перед Глебом, он отошёл в сторону, пропуская его в комнату.

Маруся была в белом платье. Кудрявые волосы струились по плечам, розовые щёки выдавали волнение, улыбка скользила и пропадала, взгляд растерянно искал поддержки.

– Ты сюда садись, – указал «тридцать третий» на стул справа от письменного стола. – Вы – сюда, – показал он жене на стул слева, а сам величественно устроился в торце.

Адвокат, оставшись без стула, улыбнулся и вышел из комнаты.

Сначала, не зная, как вести себя в подобной ситуации, они рассматривали друг друга; потом, медленно бросая взгляды на полицейского, протянули руки навстречу друг другу.

Прикосновение принесло им радость и облегчение, Маруся выдохнула напряжение и стала говорить.

Она рассказывала, как, вернувшись домой, увидела на крыльце дома соседей, как поддерживали и помогли они своим присутствием. Как страдала от последствий обыска, как не могла спать, вздрагивая от каждого шороха, как готовила ему еду... Она говорила, торопилась, стараясь скоростью слов сказать о своих чувствах.

Глеб гладил её пальцы, пробовал вклиниться в монолог, но понимая, что это невозможно, улыбался.

«Тридцать третий», сидящий в торце стола, какое-то время крутил головой, переводя взгляды с одного на другого, потом неожиданно поднялся и, ничего не говоря, оставил их наедине. Не закрывая за собой двери, он вышел в коридор, где у жестяной банки, служившей пепельницей, курил адвокат.

– Ничего не понимаю, – сказал он, закуривая, – и кто это только придумал. Устав говорит, что я должен присутство-

вать на свидании... а что я могу понять! — они говорят на русском языке. И вообще, я не верю в эту историю. Шесть миллионов висят у человека в деревенском доме — ни сигнализации, ни страховки, ни документов, подтверждающих подлинность. Шум подняли, клиента твоего к нам посадили, в одиночку, чтобы у него ни с кем контакта не было... Детский сад, — делая две длинные затяжки и выбрасывая сигарету, сказал полицейский, возвращаясь в комнату. — Всё, свидание окончено. Давайте сюда ваши пакеты с едой, будем проверять, вдруг вы туда напильник положили, — рассмеялся своей шутке «тридцать третий».

Маруся выставила на стол два пакета. Полотенце, туалетные принадлежности, спортивный костюм, большая книга, макароны с луком и куриными сердцами, бутылка Кока-колы, сыр с виноградом и яблоком — все это доставалось из пакета и возвращались обратно без явного желания полицейского изучать продукты досконально.

Прощаясь, Маруся обняла мужа и шепнула на ушко, что в Кока-коле его ожидает сюрприз.

Разговор с адвокатом был коротким. Ему показали сделанные запросы, попросили перевести гонорар и пожелали терпения, сказав, что лично для него удалось добиться разрешения на ежедневные свидания с женой.

Вернувшись в камеру, Глеб, разложив еду на столе, выкрутил красную крышку с бутылки и сделал глоток. Концентрация виски Chivas Regal была больше похоже на то, что

именно виски немного разбавили Кока-колой.

– Ах ты ж моя прелесть! – произнёс он громко, делая второй глоток.

Маруся, выехав из полицейского участка, почувствовала себя лучше. Картинки, которые она от страха рисовала перед свиданием с мужем, совсем не совпали с действительностью, и поэтому обычные мысли и планы стали возвращаться к ней желанием пойти к людям, потолкаться в магазине, почувствовать, как мир движется вокруг неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.